

ЖАРКАЯ ЗИМА 2014

ТОМ 2

Сергей Орлов
Жаркая зима - 2014. Том 2

<https://litres.ru/73990396>

SelfPub; 2026

Аннотация

Принято считать, что Россия вернула Крым. Это - не так. Это Крым вернулся в Россию. Да, Россия «довернула гайки». Но прежде, изначально самые обычные жители Города-героя Керчь спасая себя от грядущего кровавого террора, на могучие болты сначала накинули эти "гайки", а потом усердно, проявляя смекалку, самостоятельно голыми руками стали крутить эти самые «гайки» на Крымском мосту, на тот момент ещё виртуальном мосту в Россию – мосту в головах Крымчан. Это документально зафиксировано в романе «Жаркая зима 2014»

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Сергей Орлов

Жаркая зима - 2014. Том 2

Глава 1

2013 ГОД. ЛЕТО. ПОСЁЛОК «ЗОЛОТОЕ» - ПРИГОРОД
КЕРЧИ.

Белые, пушистые морские волны выпустили из своих объятий Свету, накупавшись, она выходила из моря. Крохотный купальник «Бикини» почти совсем не скрывал крепкого, полного жизни, девичьего тела Светы. Капли морской воды сверкали, словно россыпь бриллиантов на её точёной изящной фигурке с высоким бюстом. Света прекрасна в своём одухотворённом настроении, которым со Светой сейчас поделилось радушное и великое море. Следом за Светой из моря вышли Сергей и Исмет.

- Ох, блин! - Сергей упал в воду, - ногу подвернул!

Исмет улыбнулся, подал руку Сергею, помог ему подняться.

- Береги себя – ты нам нужен! – сверкнул своей белозубой

улыбкой Исмет.

На берегу стояли пляжные раскладные кресла, в одном кресле уже лежала Света. Сергей упал в кресло и растянулся в нём, как кот потягиваясь всем телом под ласковыми лучами звезды по имени Солнце.

- Хор-ро-ошо! – «промурлыкал» Сергей.

- Серёга, ты не расслабляйся, нам для ухи ещё рыбу поймать нужно.

Сергей вяло махнул рукой, говоря «Нормально».

- Поймаем.

- Ой! Мы кастрюлю же не взяли! Уху в чём варить будем?

Вот! - Исмет поднял в воздух большой казан.

- В казане? Уху?

- Мы только так и варим.

Сергей посмотрел на удивленную Свету – заулыбался.

- Я готовлю уху, по рецепту нашей Шурпы. Только вместо барашка, рыба.

Исмет достал рыбацкие снасти.

- Лежи-лежи! Лежебока. Я больше тебя поймаю!

Сергей приподнялся на локте на раскладном кресле.

- Ты?! Да, я всегда больше тебя ловил. И сейчас поймаю больше!

Света заулыбалась:

- Горячие финские парни, спорим, не подерётесь.

- Мы не драться будем. Мы соревноваться будем! – задиристо произнёс Исмет.

Сергей вскочил на ноги.

- Как скажешь, ваше превосходительство, ибн Исмет!

Глаза Исмета внимательно следили за Сергеем, он выпалил:

- А какой приз?

Сергей задумался, как это бывает у мужчин, закинул руку за голову, стал почёсывать мокрые волосы на затылке.

Света заливисто засмеялась.

- Ха-ха-ха! Кто больше поймает, того я поцелую по-отечески в лобик!

Глаза Исмета распахнулись – он загорелся, возбуждился, азарт охватил его всего.

- Честно?! – не поверил Исмет.

Света кокетливо кивнула.

- Ага!

Сергей же, напротив, вдруг нахмурился, улыбка сошла с его лица, развернулся спиной к Свете и к Исмету – принялся медленно разбирать рыболовные снасти. Исмет быстро-быстро настроил удочку, размотал леску, прицепил наживку на крючок – из-за головы, сильно, с хлётким звуком «Туисс» забросил удочку в море. Исмет широко улыбаясь, искоса посматривал то на Свету, то на медлительного Сер-

гея. Исет резко дёрнул удочку.

- Есть!!

Исет остервенело крутил катушку с леской, вытянул из моря извивающуюся рыбку.

- Что там у тебя, Исет? – поинтересовалась Света.

- Пеленгас!

Сергей оглянулся из-за плеча на сияющего Исмета. Потом Сергей перевёл внимательный взгляд на Свету - всё так же из-за плеча смотрел, как Света вскочила со своего пляжного кресла и побежала к Исмету. Растопыренная пятёрня Светы коснулась обнажённой загорелой спины Исмета. Света по-девчачьи завизжала при виде извивающегося на леске Пеленгаса. И только теперь, Сергей неспешно сделал свой первый заброс. Исет снял Пеленгаса с крючка.

- Мне! Дай мне! Я отнесу! – весело воскликнула Света.

Света дурачась, выставляя параллельно пляжу свои стройные прямые ноги, как солдат на плацу, промаршировала по песку с Пеленгасом на прямых руках к пластиковому ведру - она аккуратно опустила рыбку в воду в ведре. Исет

оглянулся на серьёзного Сергея с удочкой. Исмет сделал второй заброс. Сергей резко вскинул вверх удилище, ухмыльнулся довольный удачной подсечкой, быстро крутил катушку. Через секунду Сергей вытянул на берег второго Пеленгаса.

Один – один! – провозгласила Света.

Сергей не отреагировал на возглас Светы. Исмет хитро улыбнулся. Сергей снова забросил, и снова почти сразу сделал подсечку, вытянул на берег свою вторую рыбку. Света легко перебирая ножками, побежала к Сергею.

- Два - один в пользу Серёжи! – она вскинула руку над головой с очередным Пеленгасом.

У Исмета не клевало – он, пряча улыбку, покусывал губы. Сергей закинул удочку в третий раз, и снова, почти сразу у Сергея клюнуло – Сергей вытащил очередного Пеленгаса.

- Три - один! В пользу рыбака в чёрных плавках! Ловим до десяти штук! – Света стояла с расставленными в стороны руками в глазах её сверкали смешинки.

Исмет вытянул пустую снасть, забросил снова, поближе к тому месту, куда всегда бросал Сергей.

- Это ты, наверное, в стаю попал. Сейчас я тоже поймаю.

- Рыбак в белых плавках делает манёвр! Итак! Борьба накаляется! Кто же победит?! – улыбаясь, подзуживала Света.

Сергей не ответил, молча, сделал очередной заброс.

Света, Исмет и Сергей всегда ездили купаться на Азовское море близ посёлка «Золотое». Весь берег в этой местности представлял из себя сильно изломанную береговую линию из камней, скал, пещер. Если взобраться на одну из невысоких, приплюснутых скал,

и окинуть местность взглядом, на ум приходил не совсем подходящий, для этого случая, образ «сбежавшего» из кастрюли дрожжевого теста.

Чтобы тесто не убежало, опытная хозяйка всякий раз, пока тесто доходило до своей кондиции, уминала руками воздушно-резиновую густую жижу теста обратно с кастрюлю. Если хозяйка «зацепилась языком» с соседкой, «перемыывая кости» общей знакомой и забывала про тесто - тесто «уплывало» из кастрюли. А если хозяйка увлекалась и была захвачена деталями и подробностями соседской жизни, болтала долго, тесто успевало «сбежать» на рядом стоящий табурет, а с табурета «уплывало» на пол, и дальше, к самому порогу

кухни.

Глядя на эти пещеры, утёсы и каменные возвышенности близ поселка «Золотое» всегда на ум приходил образ сбежавшего теста. Наверное, когда-то давно, в древности, это и вправду была расплавленная лава, она текла к морю, и застыла. А море со своей щедрой солёной душой вымыла, обмыла, выела, съела пористую каменную породу. Хлёсткий ветер помог морю, вследствие чего образовались эти уютные закрытые лакуны, интимные пляжики. Керчане называют эти живописные места «Генеральскими пляжами». В советское время эта была ведомственная земля, приписанная за военными, отсюда и такое название.

На одном из таких очаровательных пляжиков закрытом с двух сторон каменными утёсами, друзья устроили неофициальные соревнования по рыбной ловле. Исмет с удочкой в руках, внимательно смотрел в море, следил за колокольчиком на конце удилица. Тем временем Сергей вытянул на берег очередного Пеленгаса. Света взвизгнула, захлопала в ладоши, и весело закричала:

- Бинго! Десятая рыба! Соревнования окончены! Со счётом десять - три побеждает рыбаки в чёрных плавках!

Сверху, с высоты парящей чайки над бухточкой видно

как с поднятыми руками над головой фигурка Светы стояла между загорелыми мускулистыми фигурками Сергея и Исмета. Перед троицей раскинулось море, сверкающее от солнечных зайчиков, как серебристая рыба чешуя.

- Итак! Победил Серёжа! Иди сюда, дорогой друг, я вручу тебе приз! – Света вдруг вся обратилась в «Мисс кокетство», глаза сверкали задаром, она жеманно поводила плечами, неистово крутила своим округлым задом, едва прикрытым нейлоном купальника, выгибала ноги в коленях, упругие мышцы на её бёдрах играли под загорелой кожей - продефилировала к Сергею.

Хмурый Сергей, едва слышно произнёс:

- Я хочу передать приз моему другу Исмету.

Света остановилась с поднятыми руками, которыми она собиралась обнять за шею Сергея, растерянно заулыбалась.

Исмет тоже став серьёзным как-то трудно, с усилием выговорил фразу:

- Чего ты? – он исподлобья посмотрел на Сергея, - ты заслужил.

- Да, ничего. Просто... - Сергей помолчал, - так будет лучше.

Сергей, стараясь уклониться от рук Светы, нарочито низко нагнулся за удилищем.

- Не-е-ет! Не согласен! Победил - ты! Значит и награда твоя – упорствовал Исмет.

Света, за свои прожитые на свете тридцать пять лет, уже успела понаблюдать разные проявления людских характеров в человеческих отношениях - в парах юношей и девушек, в союзах женщин и мужчин. Она догадывалась, что сейчас в душах её друзей Сергея и Исмета что-то происходит. Её природное женское чутьё, коим обладает любая женщина, ясно подсказывало, что Исмет влюблён, и, похоже, он любил по-настоящему пылко, страстно, всей своей чистой душой отдавался этому нежному чувству - напоказ. У восточных людей показывать свои чувства, тем более, если они добрые принято, даже поощряется.

А Сергей... С ним всё не так. По долгому взгляду Сергея на неё, когда он думал, что Света не видит, она понимала, что и Сергей влюблён тоже. Любит. Но выражает это своё трепетное чувство иначе, не так броско. Сдержанно. По-русски.

И, как любая чуткая, нежная и добрая женщина, всегда стремящаяся к миру и ладу в отношениях между людьми, Света не могла допустить разлада в дружбе - особенно в мужской дружбе - многолетней. Она хотела, очень хотела, чтобы закадычные друзья Исмет и Сергей непременно таковыми оставались. И, конечно же, Света не могла допустить, что эти славные мужчины оборвут свои добрые, многолетние, по-настоящему мужские, проверенные трудными ситуациями (о некоторых Света знала) отношения из-за неё, из-за женщины. Она робела от жутко пугающей её мысли, о том, что она может стать причиной разрыва Сергея и Исмета. Ни в коем случае она не могла этого допустить. Ни за что.

Бывало мысленный поток заводил её приткий женский ум на «тропу» выбора и сравнения. Она начинала примерять к себе то Исмета, а потом Сергея, и, наоборот, в обратном порядке. Думала, что было бы с ней, какой могла бы стать её жизнь, выбери она одного или другого. И внутренне вздрогнув, изгоняла из своей головы подобные мысли, жгуче стыдя и коря себя за то, что посмела, что позволила своей фантазии увлечь её внимание в такую страшную и постыдную тему. «Если потребуется, я разорву с ними всякие отношения, но только чтобы они были вместе» - клялась себе Света долгими вечерами сидя в одиночестве на морском берегу возле раскопок древнего античного городища «Мирмекий».

Исмет не смотрел в сторону Сергея. Сергей, сидя на корточках спиной и к Свете, и к Исмету собирал снасти. Света с тоской в глазах смотрела на своих понурых друзей. Она изобразила на своём лице весёлость, губы её растянулись в улыбке.

- Ах вы - мальчишки! – воскликнула Света и принуждённо засмеялась. Мужчины, занятые своими тяжёлыми мыслями не заметили напряжения в её смехе.

Света с улыбкой, подбежала к Исмету бережно взяла его за руку, потянула Исмета к Сергею. Исмет нехотя передвигал ноги, умышленно загребал пальцами ног песок. Приблизившись к Сергею - Света также бережно взяла за руку Сергея.

Едва заметные лучики морщинок у глаз делали лицо Светы по-доброму смешливым, но глаза её оставались взволнованными. Света обхватила за шею и Сергея и Исмета – аккуратно притянула их головы к своей голове. Сергей покосился на Исмета. Исмет не сдерживал себя, он в первый раз так близко видел чудесные Светины глаза, её губы, нос, щёчки - глядел в упор, пристально рассматривал Свету - любовался ею. Увлечённый Исмет не видел тоскливого взгляда Сергея. Света звонко чмокнула в щёку Сергея, и тут же поцеловала в щёку Исмета.

Вдруг Света, вскинула вверх руки, отпрянула от друзей, шагнула назад, сорвалась с места, обежала мужчин по дуге, и с разбегу бросилась в радушные, ласковые объятия морюшка.

Глава 2

Поздний вечер. Парковка перед большим супермаркетом. Стеклопакетные двери разъехались в стороны. Из супермаркета вышли двое парней в длинных баскетбольных майках с большими цифрами груди. Крепкие руки парней сплошь покрыты татуировками. Выглядели они как два «молодых бычка», «мажористого» вида, с золотыми часами на запястьях, в ультрамодных штанах и кроссовках. Вдвоём парни несли деревянный ящик дорогого виски. У одного подмышкой зажат блок дорогих сигарет. Второй парень держал как бейсбольную битту, костяную ногу Хамон. Парни шли, скособочившись под тяжестью ящика с виски. Идти в такой кривой позе неудобно. Лица у них недовольные, головы опущены. Парни то и дело метали короткие взгляды на ящик с виски, который с каждым их шагом становился как будто свинцовым. Пальцы от тяжести уже ломило, руки оттягивало, сухожилия и мышцы плеч начинали ныть.

Зазвучал ритм «Ганста-рэпа». Большое стекло автомо-

бильного окна опустилось. На ребре стекла появились пальцы с длинными алыми ногтями. Ноготки отстукивали музыкальный ритм. С каждым шагом пацанов с ящиком виски, ритм звучит всё громче.

В окнах автомобиля появились четыре белые, холёные обнажённые женские руки с маникюренными пальчиками – руки призывно махали. Парень через силу широко заулыбался, в приветственном жесте вскинул над головой Хамон. Из-за стекла, при виде Хамона раздался пронзительный девчачий одобрителный визг. Походка у парней тут же поменялась – они выпрямили спины, выставили вперёд подбородки, на лицах появилась надменное выражение, они зашагали в такт «Ганста-рэпа».

Вдруг раздался звук второго, другого трека в стиле «Ганста-рэп» - это был сигнал вызова на смартфоне. Два ритма смешались, образовалась звуковая какофония. Парень проворно вынул из-под подмышки блок сигарет, быстро бросил блок поверх ящика с виски. Освободившейся рукой достал из кармана свой смартфон. На экране смартфона надпись «МАТЬ». Лицо парня скривилось в недовольной ухмылке, он нажал на кнопку «Ответить», сдерживая своё раздражение, умильным голосом проговорил в трубку:

- Привет!

Из трубки донёлся усталый женский голос:

- Здравствуй сыночка!

Парень, упреждая возможные материнские расспросы – уже плохо сдерживая раздражения, быстро и недовольным тоном проговорил:

- Ну, мам - у меня всё хорошо! На «вписку» собираемся. Всё нормально.

- Сыночка..., - голос матери слабел.

Парень перебил мать.

- Да, всё у меня х-о-р-о-ш-о! Сыт. Обут-одет. Весел. Всё «норм».

- Я хотела сказать... - едва слышно стонала мама.

Он снова перебивает мать.

- Да, учусь я, учусь! Сессию сдам нормально. Всё «норм»!

Женская рука держала у головы руку со смартфоном.

- Сыночка...

Уже в трубке у головы матери искажённый динамиком телефона слышно голос сына.

- Не... На каникулы не приеду. Не получится.

- Сыночка, храни тебя Бог...

Парень лягнул ногой своего друга, тот недовольно воззрился на него. Парень с телефоном глазами показал на блок сигарет, который вот-вот мог соскользнуть с ящика виски. Друг всё понял. Он, удерживая Хамон, живо поправил блок сигарет на ящике. Парень облегчённо выдохнул, радостно заговорил в трубку, обращаясь к маме:

- Ага, хорошо. Давай. Пока-пока!

Женская ладонь резко упала на тротуар, в ладони лежал смартфон, надпись «Сыночка» на экране смартфона исчезла, экран стал чёрным. Женские, натруженные покрасневшие пальцы медленно выпрямлялись, вытянулись, побелели.

В тротуаре дымится воронка от снаряда. Несколько человеческих тел без движения лежали раскиданные ударной

волной взрыва. Тело матери лежало на тротуаре в неестественной позе возле воронки. У тела матери не было ног. Её ноги оторвало взрывом. Всклокоченные волосы женщины в пыли, на лице кровь. В распахнутых ввалившихся мёртвых глазах прозрачными солёными лужицами блестели слёзы. Умершая мать «смотрела» в ночное небо. Звёздное небо. Экран смартфона стал чёрным, ролик закончился - Лёля опустила на бёдра руки с телефоном.

- Ужас..., - тихо вымолвила Лёля.

Она сидела оцепеневшая, стеклянным взглядом уставилась в одну точку прямо перед собой.

- Этого не было же? Это вы придумали? Ваш сценарий? – просящим переходящим в мольбу голосом проговорила Лёля.

- Первая часть ролика с пацанами, да, это я придумал, - Адамопулос хмуро смотрел в лобовое стекло своего «Ягуара», - вторая часть - это документальный факт, реальный трагический случай в Луганске. Среди бела дня, прилетела ракета прямо в центр города, поубивала мирных жителей, гражданских, а женщине оторвало ноги, а она умоляла, чтобы ей дали телефон, чтобы пока жива, успеть попрощаться с сыном. В интернете есть это жуткое видео – Адамопулос не

смотрел на Лёлю, держал сцепленные пальцы на руле «Ягуара».

- Что же «они»... Такое...? – потрясённая Лёля отрешённо смотрела на пчелу, забившуюся в угол лобового стекла.

После бесчисленных попыток преодолеть неизвестную ей, прозрачную преграду, выбившаяся из сил пчела, медленно ползала по приборной панели «Ягуара».

- Отвези меня домой.

- Домой? Сейчас? В таком состоянии? Может по набережной пройдемся или в кафешку перекусить...

- Домой, - твёрдо перебила Лёля.

Адамопулос вопросительно смотрел на Лёлю. Она оглянулась на него, нервно дёрнула головой, вскинула ладошку, неопределённо повела растопыренными пальцами в воздухе.

- Ну, там... Где сейчас мой дом... - недовольно проворчала Лёля.

- Хорошо.

«Ягуар» едва слышно зашелестел двигателем, прохрустел камешками под резиновыми шинами колёс, выехал на дорогу – слился с потоком машин городской трассы.

Глава 3

2013 ГОД. АВГУСТ. СИМФЕРОПОЛЬ.

Откуда-то сверху, слева, справа и снизу, как это бывает только в аэропортах и железнодорожных вокзалах зазвучал женский голос:

«Авиакомпания Аэрофлот заканчивает посадку пассажиров на рейс номер четыреста два Симферополь – Москва. Выход номер тринадцать». Света и Исмет стояли у турникета прохода к самолётам на посадку. Исмет провожал Свету, у Светы зазвонил телефон, она взяла телефон, в трубке слышался голос бодрый Сергея:

- Света, извини, никак не успеваю. Исмет с тобой же, да?

- Да. Он здесь, - грустно ответила Света.

- Очень хотел тебя проводить, посмотреть на прощанье в твои лучистые глаза, - вдруг разоткровенничался Сергей.

Исмет стоял близко смотрел в сторону и слышал слова Сергея. Света неотрывно смотрела на Исмета, она поняла,

что он слышал добрые слова Сергея – Света нахмурилась, сделала крохотный, незаметный шаг в сторону от Исмета. Голос Сергея в трубке продолжал говорить:

- Эх... Ладно. Мягкой посадки, Света! На связи. Матушке-Москве привет!

Света выключила телефон, по-прежнему смотрела на Исмета. Исмет чувствуя взгляд Светы, медленно повернул голову, посмотрел печальными глазами на Свету.

Света коснулась пальцами руки Исмета, Исмет как-то очень уж торопливо и сильно сжал пальцы Светы.

- Ой! – вздрогнула от боли Света.

- Прости!

Света осторожно высвободила пальцы из рук Исмета.

- Свет очей..., - Исмет замолчал, отвёл взгляд в сторону, не глядя на Свету он снова заговорил, - Света...

- Не надо! - быстро произнесла Света.

- Но, я...

Света уже испуганно сказала:

- Прошу тебя. Не надо. Не мучай меня, - Света посмотрела мимо лица Исмета, на людей, гуляющих по залу Симферопольского аэропорта, - Пожалей.

- Света, я не могу молчать, - каждое последующее слово, Исмет произносил всё твёрже.

- Исмет, надо. Очень надо промолчать. Сейчас. Надо.

Света перевела взгляд с праздной толпы пассажиров на самолёты за большим окном.

- Я пойду.

Света отступила на шаг от Исмета.

- Я..., - глаза Исмета вопили «Не уходи! Подожди!»

- Скоро увидимся. Обещаю.

Требовательный, мучительно-встревоженный взгляд Исмета «Не уходи» напротив, подталкивал Свету, толкал, понуждал как можно быстрее уйти. Понимая, что Исмету сей-

час тяжело, трудно и неумоги, Света решила чуточку утешить его, произнесла честную фразу:

- У тебя замечательные стихи. Ты настоящий поэт.

Света кивнула Исмету, развернулась, и пошла не оборачиваясь.

Губы Исмета едва слышно прошептали:

- Люблю тебя...

Зазвучал голос диктора: «Авиакомпания Аэрофлот заканчивает посадку пассажиров на рейс номер четыреста два Симферополь – Москва. Выход номер тринадцать».

Глава 4

2013 ГОД. АВГУСТ. МОСКВА.

Густая темнота сумрака скрывала едва различимый четырёхметровый потолок и верхнюю часть стен, подпирающих этот высокий потолок. Возникла оптическая иллюзия безграничного пространства над головой – космос в отдельно взятой скупо освещенной комнате.

Стены комнаты заставлены стеллажами из тёмного дерева. На стеллажах книги поблёскивали золотым тиснением на корешках. Тёмно-коричневая кожа на высокой спинке ста-

ринного дивана за десятилетия до блеска отполирована человеческими спинами. На мягких буграх, расположенных создателем дивана, в шахматном порядке, кожа матово отсвечивала тусклые лучи лампы, стоящей на столе. Аромат из запахов диванной кожи, пыли, книг, дерева витал в этом камерном пространстве – вызывал в госте этой комнаты ощущения благородства и достоинства, величественности и умиротворения, мудрости и неспешного течения Его Величества Времени.

Возле зелёного плафона старинной бронзовой лампы, старческая рука, удерживая узловатыми пальцами перьевую ручку, что-то писала. За старинным массивным дубовым столом сидел грузный старик с нездоровым жёлтым цветом лица и прекрасными задумчивыми чёрными глазами. Нижнюю часть его лица покрывала недлинная белая борода, делающая образ старика похожим на образ мудрого русского Деда Мороза.

Изумрудного цвета тяжёлые суконные портьеры на высокой двухметровой двери, мягко распахнулись, на пороге комнаты стояла Света. На шорох портьер Старик поднял голову, его сосредоточенное лицо расплылось в широкой доброй улыбке.

- Внученька! Светочка! Свет очей моих!

- Свет очей предстал перед светочем археологической науки! – весело воскликнула Света, - Здравствуй, дедушка!

Света шагнула к деду, опередив его, не дав ему встать, склонилось над дедом, обняла его голову и поцеловала в лоб – стариковские пальцы тихонько похлопывали Свету по спине.

- Да. Вот, работаю. Представляешь, появилась гипотеза, что мальчика Тутанхамона не отравили. Он сам умер от ревматической болезни. Вот. Пишу...

- Поразительно! Всегда восхищаюсь твоей способностью много работать.

Старик усмехнулся, быстрым движением взял колокольчик со стола – зазвонил в него долго и настойчиво.

- Ну, как там Мирмекий - в этом году, всё? Закончили?

- Нет-нет, что ты! Работа в самом разгаре.

- Да? А, понимаю. Соскучилась?

Света застеснялась - у неё язык не поворачивался прямо

сказать деду, что причина её приезда была другой. И, эта причина не была такой чувственной, как: «Соскучиться по дедушке».

- Чего ты? – дед уловил конфузливое настроение Светы.

- Я по делу..., - Света замялась, ей очень хотелось сохранить душевный покой дедушки.

- Да, конечно, я очень часто скучаю по нашим с тобой ночным посиделкам. Но. Сейчас я приеха...

Изумрудные портьеры зашуршали, разошлись в стороны, на пороге комнаты появилась мама Светы, женщина стройная, с пытливыми глазами на худом лице, похожая на строгую учительницу. При виде Светы мама всплеснула руками.

- Света! Доченька! Приехала!

Света заулыбалась, вскинула руки, и с прямыми руками желая обнять маму, пошла к матери.

- Здравствуй, мама! – Света осторожно обняла маму.

- Ты в своём репертуаре – «Как снег наголову» - напустила на себя деланную строгость мама.

Старик хитро усмехнулся в бороду.

- Так проще. Ты начала бы волноваться, суетиться, готовиться, обеды варить. А так – Бац!, Бац!, и в «дамки»! Я дома. Я рада.

- А как я рада! Молодец, что приехала! – не в силах выдерживать взятый ею тон требовательной учительницы, материнские чувства взяли верх, мать растрогалась и стиснула свои маленькие кулачки у груди, на её ресницах заблестели слёзы.

В глазах Светы появилась едва заметная хитринка, она наклонила вбок голову, как нашкодившая девочка, извиняющимся тоном произнесла:

- Кофе хочется. Сделаешь? Своего, фирменного?

- Всё-всё! Пошла! Сейчас будет кофе! – мама смахнула слезинку, легко выпорхнула из комнаты.

Дедушка качнул головой и тихо сказал:

- Кофе говоришь, захотела, - усмехнулся старик, - ну-ну, манипуляторша, хитрюга, - он приосанился, выпрямили спи-

ну, внимательно посмотрел на Свету.

Света изобразила виноватый вид, чуть развела в стороны ладони, как бы говоря «Ну, а что делать – приходится».

- Я хорошо знаю, что любой найденный особо ценный артефакт должен быть сразу доставлен в сейф института. Но, все, же я решила прежде показать тебе.

Света положила на стол перед дедом чёрный мешочек затянутый тесёмками. Здоровые, лишённые артрита старческие пальцы быстро развязали тесёмки, на зелёное сукно стола из мешочка выскользнули золотые монеты каждая в прозрачном полиэтилене со свинцовой пломбой.

- Светлана Алексеевна, и ты вот так в общественном транспорте, катаешься с этим...? – Старик нахмурился, сердито глянул на Свету, - Это опасно. Не оправданный риск. Подсудное дело.

Старик рассердился по-настоящему, засопел, нахмурился, из бронзового стаканчика достал карандаш, пальцами начал нервно вертеть карандаш - молчал.

- Тогда я не смогла бы показать их тебе. Фото могут не передать всех деталей. Поверни монету чуть иначе и может

многое открыться. Так – надёжнее. Хоть и..., - Света робко глянула на деда, - Согласна – риск есть.

На хмуром лице, глаза старика потеплели, взгляд стал сосредоточенным. Он двинул графитовый кончик карандаша к ближней к нему монете, быстро перевернул карандаш в руке, тупым, не очищенным концом карандаша коснулся монеты. Карандашами со стирательной резинкой на конце старик не пользовался. Глаза его заблестели. Тихое сипенье при каждом вдохе через нос прекратилось – губы с синими прожилками разомкнулись, старик начал дышать ртом. Другой рукой он потянулся и взял большую лупу. Навёл лупу на монету, тупым кончиком карандаша задвигал монеты в целлофановых пакетиках по зеленому сукну.

Света взяла из того же бронзового стаканчика ножницы, и уверенно срезала plombу и краешек полиэтилена на одной монете.

- Стой-стой! Что ты делаешь? – переполошился старик.

Света твёрдыми глазами прямо посмотрела в глаза деду. Старик издал ртом нечленораздельный звук «Чкряк», опять с укоризной качнул головой. Глядя на деда, Света поняла, противостояние сурового законника и страстного искателя закончились. По лицу бабушки было понятно - победил ис-

катель.

Губы Светы тронула кроткая улыбка, и уже мягким движением руки, стараясь не касаться пальцами монеты, удерживая за кончик подняла полиэтилен вверх – тяжёлая монета выскользнула из пакетика на сукно. Отмытое морской водой золото заиграло скромными крохотными искорками в лучах настольной лампы.

- Митридат..., - задумчиво произнёс старик, глядя на изображение головы на аверсе монеты.

- Царь Митридат. Это не главное. Видишь, какой гурт. Как?

Лупа в твёрдой руке деда сильно увеличила торцевую часть монеты гурт. По всему гурту была нанесена тонкая вязь узора.

- Как такое могли сделать в то время?

Старик задышал часто-часто, отложил лупу, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, задумался.

- Хм? – старик молчал.

Света продолжала рассуждать вслух:

- Во-первых, и это особенно важно - не делал Митридат такой чеканки. Я никогда прежде не видела ничего подобного. Первое, что приходит на ум, возможно, это какие-то особые монеты, его личные - именные. Возможно, такие монеты чеканили для каких-то особых случаев. И скорее всего не для оплаты, такие монеты не были в ходу. Может быть это «Наградные монеты». Ну, как сейчас банки чеканят золотые рубли, но ими никто не расплачивается, мы используем золотые рубли как инвестиции. И вообще – я в первый раз вижу такой орнамент - для Митридата не свойственный. И-и..., ну, как такую гравировку могли сделать в то время? Как? Чем?

Старик открыл глаза, склонился над монетами - молчал. Тишина. Где-то в глубине квартиры слышались далёкие глухие звуки маминой готовки кофе, запах которого по вентиляции проник сюда, в кабинет деда Светы. Громко зазвенел телефон. Света и Старик вздрогнули от неожиданности. Света взяла телефон, посмотрела на деда:

- Папа...

Света нажала на кнопку «Ответить»:

- Привет, папа! Да. Я приехала, я у деда. Можешь сейчас приехать к нему, было бы хорошо... Что-что? А-а-а! Ты не Москве. Ну, тогда он потом тебе сам всё расскажет. Не по телефону. Нет-нет! Всё в порядке! Всё хорошо! Напротив новость интересная, тебе специалисту по Митридату будет интересно. А где ты сейчас? В Египте? А Митридат разве бывал в Египте? – в голосе у Светы мгновенно появились нотки профессионального любопытства, - А-а, ты помогаешь другу... Что-то раскопали?

Слушая ответы папы, Света с улыбкой смотрела на деда.

- Не по телефону...? Ясно. Хорошо. Да. У меня всё хорошо. И я тебя люблю, - широко улыбнулась деду, её ровные жемчужно-белого цвета зубы засияли на загоревшем под Крымским солнцем лице, - Тебе привет!

Старик вскинул руку «Дай трубку мне» - Света поднесла трубку к деду, старик громко проговорил в трубку.

- Алексей, в Египте в это время года должны цвести Ранункулюсы у них множество изящных лепестков, образующие пышные кружевные бутоны. За их неповторимую изящность и красоту Ранункулюсы очень любимы в свадебной флористике, а еще, из них получают прекрасные монобукеты. Этот цветок невероятно самодостаточен – посмотри,

получи удовольствие!

Света приложила телефон к своему уху.

- Слышал? - Света мигнула глазами деду, - Он слышал. Ну, всё, пока-пока!

Изумрудные портьеры разъехались в стороны. Почему-то сторбившись, мама закатила в комнату кофейный столик на колёсиках. На столике похожая на миниатюрную снежную гору топорщилась большая белая накрахмаленная салфетка. Старик шустро накрыл листом бумаги золотые монеты, заговорщицки подмигнул Свете - Света заулыбалась. Она тоже, неумело, скривив лицо, одним глазом постаралась подмигнуть деду. Мама в дверях осторожно развернулась и стала пятиться спиной вперёд. Дед и внучка как по команде постарались спрятать свои улыбки – напустили на себя нейтрально-беспечный вид. Мама выпрямилась и развернулась с весёлым лицом к Свете.

- Ваш кофе! - торжественно произнесла мама.

Мама лёгким движением руки сдернула вертикально-вверх белоснежную салфетку со столика, явив взору Светы и деда, хромированный кофейник советских времён с плоскими гранями на боках и форфоровые белые чашки с

миниатюрными блюдцами.

- Спасибо мамочка! – Света взяла кофейник и налила кофе в чашку, подала чашку маме.

Мама кивнула Свете и уселась с чашкой кофе на диван. Диван, скрипнув пружинами, принял на себя мамино миниатюрное тело. Света села рядом с дедом.

- Хорошо. Уютно. Дома. – Смежив ресницы Света, поежилась, уместаясь на мягком кресле с высокой спинкой, пригубила кофе.

На следующий день, после приезда Светы, вечером когда, все новости были рассказаны, все разговоры были переговорены, мать и Света сидели в просторной светлой гостиной квартиры «Сталинки» с высокими потолками, за круглым старинным столом, накрытым белой скатертью до пола. Квартира была отца матери Светинога деда – признанного мирового светила археологии. Света и мать чинно восседая на тёмно-коричневых деревянных венских стульях с прямыми спинами и с убранными локтями за край стола, пили чай, махонькими ложечками кушали клубничное варенье из хрустальной вазочки. Над столом висел оранжевый абажур.

Мать, преподаватель в Московском Государственном

Университете, на кафедре Педагогики читала лекции по биологии – готовила будущих школьных учителей биологии. Мама была строгой женщиной, жёсткой в суждениях, и с твёрдой жизненной позицией. Когда Света была девочкой, а затем девушкой, мать своим коллегам и приятельницам с гордым видом говорила: «Я, как профессиональный педагог, просто обязана принимать самое активное участие в жизни моей дочери».

Коллеги за язык мать не тянули, приятельницы клятв от неё не требовали, и, тем не менее, во всём последовательная преподаватель биологии, неустанно наполняла свои отношения со Светой однажды ею продекларированным словенно революционный манифест лозунг: «У педагога дети должны быть идеальными».

Мать пребывала в убеждении: «Если что-то сказал, нужно быть хозяином, точнее хозяйкой своего слова». «Назвался груздём, полезай в кузов». «Взялся за гуж – не говори, что не дюж». Мама воспитывалась хорошей Советской системой образования. Стараясь воплощать в свою жизнь народную мудрость русских пословиц, преподаватель биологии отчего-то игнорировала другую мудрость народа, такую как: «Всякое дело мера красит». «Без меры и лаптя не сплетешь». «Выше меры и конь не скачет». «Душа меру знает». «По мерке мастера знать». «На свой аршин не меряй».

Отчего мать чувствовала себя уязвлённой. Ей никак не удавалось наставить на свой, известный ей путь истинный, свою Свету. Света сопротивлялась, не поддавалась книжным педагогическим экзекуциям матери. Это была борьба - персональная битва матери с собственным ребёнком. Самой себе эта женщина старалась во что бы то ни стало доказать свою профессиональную компетенцию.

Отчасти эта борьба повлияла на выбор Светой профессии. Ещё во время обучения в Московском археологическом институте, Света надолго уезжала из-под материнской опеки, пропадала на практике в длительных археологических экспедициях. Света всякий раз попросту сбегала от матери, скрывалась от неё в разъездах и отъездах. Надо сказать, что отец Светы, муж, принципиальной преподавательницы МГУ, тоже этим грешил – «вдруг» сбегал от своей жены в очередную «неожиданную» поездку.

Сейчас, сидя за круглым столом, мать с печальным лицом и выразительными, продолжительными, тяжёлыми вздохами подводила Свету к своей «старой пластинке», к своей излюбленной теме. Лицо Светы было омрачено какой-то тяжёлой думой – она грустила и не замечала вздохов матери. Мать не выдержала, она изобразила на лице строгое выражение педагога и решительно пошла в атаку:

- Да! Я помню наш разговор по телефону. И всё равно! Света! Года уходят, нужно успеть родить, а родить без мужа нельзя, у ребёнка непременно должен быть отец, - мать замолчала, подбирала нужные для этого случая аргументы.

На ум матери, пришла подходящая мысль, она просияла, спросила:

- Ты почему в археологи пошла?

Света поставила локти на стол, обхватила ладонями свою голову – закрыла глаза.

- Потому, что папа для тебя был грандиозным примером. Я знаю, я вижу, как ты обожаешь папу. Маленькой девочкой, да и сейчас тоже, ты равняешься на отца. Ты стала тем, кем ты стала, потому, что ты росла в полноценной семье, где есть папа и я - мама. Ты умная, и даже мудрая, ну, как ты этого не понимаешь? – чеканила «свою правду» мать.

Голова Светы медленно съехала в подставленные ладони, она уткнулась лицом в них – заплакала. Мама раздражаясь, возмутилась:

- Что такое?! – мама недовольно смотрела на Свету, - ну,

чего ты?

- Их, - Света рыдала, - двое!

Мать мгновенно вся поняла, не скрывая своей радости, воскликнула:

- Ты любишь двоих?! То ни одного, то сразу двое! Во, дела...

Света перебила маму:

- Нет. Мне нравится Серёжа.

Ну, так в чём же дело?! - мать искренне недоумевала.

- Второй любит меня, а он друг детства! Друг Серёжи. Понимаешь...

- Не хочешь рушить мужскую дружбу, - мать задумалась, зрачки её глаз коротко бегали «туда-сюда», она бойко что-то прикидывала, и вдруг спокойно выдала оценку, - да. Это - благородно.

Мать встала из-за стола, отошла к окну, отвела пальцами край шторы, посмотрела в окно. Вдруг совершенно спокой-

НЫМ ГОЛОСОМ МАТЬ СКАЗАЛА:

- Света, подумай сама – мужчины живут по своим мужским правилам. Ты это знаешь. Ты говорила. Я – помню.

Плаксивая гримаса на лице Светы сменилась на вопросительное выражение лица, она удивлённо посмотрела в спину матери.

- Мужчина, как бы ему больно не было, всегда отойдёт в сторону, и не станет мешать счастью своего друга. Это и есть «мужская дружба».

Света с серьёзным лицом, тыльной стороной ладони быстро растирала по щекам слёзы. Мама подошла к Свете, обняла её за плечи, прижала к своей груди голову дочери. Зазвонил телефон, Света слабой рукой взяла со стола свой смартфон, посмотрела на экран телефона, улыбка озарила её лицо, Света возликовала:

- Серёжа!! – быстро нажала на кнопку «Ответить».

- Здравствуй, Серёжа!

Из трубки послышался сдавленный голос Сергея:

- Исмета убили.

Света машинально, не думая, выпалила:

- Я немедленно вылетаю к тебе!

Глава 5

ЗА ОДИН ДЕНЬ ДО СМЕРТИ ИСМЕТА

Солнце скрылось за горизонтом. Сумерки набирали силу, становились тьмой. Лес. На лесной поляне горел большой костёр. В стороне, среди деревьев стоял восточный шатёр. Вокруг шатра беспорядочно расставлены много разных новых и старых легковых автомобилей.

Вокруг костра на земле по кругу расстелены ковры, на коврах сидели бородатые мужчины, около сотни человек. Среди сидящих мужчин был толстяк Асаф. Исмет сдержал своё слово, сделал так, что Асаф смог оказаться на этом важном событии – Татарском сходе.

В центре круга, на низком турецком стульчике скрестив ноги сидел хозяин богатого особняка, к которому ночью приезжал турок с бриллиантами на пальцах. Рядом с хозяином на таком же низеньком стульчике восседал сухонький мужичок в чёрном восточном халате, пышно расшитым золотой

вязью. У него были мелкие черты лица на туго обтянутом бронзовой кожей черепе, маленьким, лысом как коленки его худых ног, непокрытые халатом.

Круглые крысиные глазки у мужичка сидели глубоко в черепе. Глядя издалека, можно было подумать, что глаз у него нет вовсе. Казалось, что на костлявом лице темнели два пятна вместо глаз. Если бы не уши, торчащие из черепа, словно два растопыренных перепончатых крыла летучей мыши, его голова сошла бы за натуральный череп с пиратского чёрного флага.

Ещё в советские времена, этот мужичонка воровской сходкой был коронован в «Вора в законе». Значимость и вес его слова с годами только набирали силу. Насколько возростал его авторитет, настолько отказывалось ему служить его ветхое тело. Восточный халат угловато топорщился на его усохшем теле. Рядом за спиной вора в законе заложив руки за спину, со спокойным лицом стоял Исмет.

Подвижный рыжий свет от костра высвечивал из темноты стоящего на коленках небольшого роста мужчину с обездвиженными зрачками мертвых глаз – он был слеп. Рядом со слепым, смирно подобно сфинксам лежали три пса белого окраса породы Американский Питбультерьер. На псах были ошейники из белой кожи тиснённые золотыми вензелями. В

недвижимых, влажных, чёрных зрачках собачьих глаз, крохотными искорками поблёскивал огонь костра.

Зычным, сильным голосом, неизвестно каким образом исходивший из утлого тела вора в законе он произнёс:

- Тебе, что наших девушек мало – за русской бегаешь?

Среди мужчин, сидящих на коврах, Исмет глазами нашёл своего приятеля в бейсболке с засаленным козырьком, с которым он покупал цветы для Светы. Приятель дерзко, с вызовом смотрел в глаза Исмету, вскинул голову, бейсболка съехала ему на глаза, он нервно щёлкнул пальцем по козырьку, откинул бейсболку на затылок.

Сидящий рядом с воров в законе владелец особняка громко, чтобы слышали все, сказал:

- Чего молчишь? Давай, объясни, чего такого есть у русской, чего нет у наших татарских женщин?

Исмет молчал – он понимал, разговор на тему женщин это всего лишь предлог вывести его на разговор нужный старшим схода.

Вор в законе распаляясь, обратился ко всем собравшимся:

- Он молчит. Видали?

- Не уважаешь..., - сделал вывод владелец особняка.

Вор в законе повёл подбородком чуть в сторону.

- Тех, кто не умеет уважать, что с ними делают? – спросил вор в законе.

С ковров донёсся чей-то голос.

- Учат!

- Правильно. Учат уважению, - соглашаясь, качнул головой вор в законе.

- Мне есть, что сказать, - Исмет сделал небольшой шаг вперёд.

Всё тот же голос с ковров, ехидно провозгласил:

- Так говори! Чего сиськи мнёшь?

Сотня мужских глоток гортанно ухнула хором:

- Хга-хга-хга-хга!

Белые Питбультерьеры, все трое синхронно повернули головы и посмотрели на своего слепого хозяина по-прежнему стоящего на коленках. Хозяин собак не смеялся, голова его не шелохнулась, ладони слепого по-прежнему лежали на мочуристых собачьих спинах. Тремор бил его ладони, пальцы слепого мелко подрагивали на буграх мышц под белыми шкурами псов. Питбультерьеры вернули свои морды в исходное положение – пристально смотрели на Исмета. Псы чуяли, куда устремлено внимание их слепого хозяина.

Исмет, излучая спокойствие, кивнул, проглотил мужицкую похабную остроту, и сделал ещё один шаг вперёд. Он решил сразу без предисловий перейти к главному. Ровным голосом Исмет сказал:

- Много чего было между нами и русскими. Было. Да. Теперь это прошлое. Прошлое не вернёшь. Зачем жить прошлым? – Исмет обвёл серьёзным взглядом угрюмые бородастые и бритые лица своих соплеменников.

- Да. Заповеди предков следует чтить и сохранять – без этого не уйдёшь в будущее. Но. Для чего нести пепел былых времён? Нужно дать ветру перемен развеять пепел, чтобы ветер смог раздуть в углях огонь новой Жизни. Нужно

смотреть в будущее, думать о том, как будут жить наши дети. Россия – эта огромная страна будет всегда. Россия всегда будет только расти и развиваться. Всех кто будет рядом с ней, Россия непременно наполнит силой своей. Это как река, по берегам которой процветает жизнь. Вода даёт эту жизнь.

Мужчины на коврах с угрюмыми лицами слушали Исмета, пока он говорил, с бородатых лиц постепенно сходило хмурое выражение. Глухая отчуждённость в глазах сменилась на задумчивое выражение – бородатые мужики осторожно начали переглядываться. Асаф пытливо покосился сначала налево, потом направо, старался распознать реакцию на слова Исмета у рядом сидящих мужчин. Исмет продолжал говорить:

- Своим существованием, Россия обеспечит жизнь всем, кто рядом с ней. Так работает синергия. Всем кто будет с Россией, будет хорошо, также, как хорошо самой России.

На коврах началось движение, сотня чёрноволосях голов зашевелилась, закачалась - пошла волна, мужчины начали тихонько переговариваться меж собой. Вор в законе вскинулся, выгнул своё тело, выпятил то, что раньше было грудью, рывкнул.

- Слышали! Он в Россию хочет!!

Другой голос с ковров, по-бабьи взвизгнул:

- Одной русской ему мало! Всех русских девок урвать хочет!

- Хга-хга-хга-хга! – снова заржала толпа.

На этот раз Питбультерьеры не повернули своих голов. Один пёс на секунду скосил свой внимательный чёрный глаз в сторону, прислушиваясь к размеренному дыханию слепого хозяина. Пёс тяжело засопел и уже через секунду снова пристально смотрел на Исмета.

Вор в законе поднял руку – гогот тут же прекратился. Невидимый комар зазвенел в наступившей тишине. Вор в законе зычно проговорил:

- У твоих любимых русских есть поговорка «В семье не без урода», - вор повёл лысым черепом, оглядывая невидимыми глазами мужчин на коврах, - Так вот, ты – урод.

Вор в законе звонко щёлкнул сухими пальцами, тут же сзади, из-за спины Исмета появился высокого роста широкоплечий бугай, он резко и высоко вскинул руку, и широко, с размаху ударил Исмета по затылку. Оглушённый Ис-

мет бревном упал лицом вперёд. На лица мужиков, прежде оживших от слов Исмета, вмиг надвинулись угрюмые маски. Живые люди обратились в подобие каменных истуканов на коврах. В тишине послышался едва слышный стон Исмета.

Вор в законе снова щёлкнул пальцами. Бугай пружинисто шагнул в Исмету, в руке бугая блеснул кривой, турецкий нож «Ханджар». Одной рукой бугай схватил голову Исмета за волосы, сильно запрокинул его голову назад, второй рукой вонзил кривой нож в шею Исмета и резко дёрнул ножом. Лезвие ножа перерезало сухожилия шеи Исмета, вены и мышцы. Кровь под давлением сильного сердца Исмета длинной, тугой, тёмной струёй отлетела от обезглавленного тела Исмета.

Среди угрюмых лиц всех присутствующих выделялось одно, вытянутое страхом белое лицо Асафа - глаза его вытаращились, он потрясённо почему-то шарил дрожащими пальцами по ковру, у своей ноги. Тишину нарушали хрипящие и булькающие звуки перерезанного горла Исмета.

Палец, увенчанный кольцом с бриллиантом, образовал щель в плотной материи шатра. В эту щель в шатре смотрел турок в своём неизменно белом костюме. В щель было видно, как бугай вскинул вверх руку с головой Исмета. Из темноты сильно пригибаясь, появились две фигуры, они схватили тело Исмета за ноги и утащили тело к себе в темноту.

Над местом ритуальной казни разнёсся зычный голос вора в законе:

- Так будет с каждым уродом. Всё. Расход.

Бугай брезгливо отшвырнул голову Исмета в сторону – голова прокатилась по траве, остановилась, уставилась распахнутыми мёртвыми глазами в ночное небо. Вор в законе щёлкнул пальцами в третий раз. Стоящий на коленках маленький мужчина отстегнул карабины на ошейниках Пит-бультерьеров, склонился к собачьим головам.

- Фас, - тихо прошипел слепец.

Белые псы с золотыми ошейниками кинулись к голове Исмета.

Глава 6

2013 ГОД. ЛЕТО. АВГУСТ. КЕРЧЬ.

В крымском Городе-герое Керчь воздух над спортивной площадкой нагретый полуденным солнцем вибрировал битами «Рэпа» из беспроводной музыкальной колонки, лежащей на оранжевом покрытии спортивной площадки. Нагретое крымским зноем покрытие площадки источало и густо наполняло воздух запахом резины.

По морской набережной расслабленные отдыхающие и гости Города-героя, разморенные полуденной жарой со степенным видом неспешно переставляя ноги, сонно глазели по сторонам, смешно щурили глаза, любуясь солнечными искорками на изумрудном море. Почуввав запах горячей резины и заслышав «Рэп», они ускоряли свой шаг, чтобы поскорее уйти от жёсткого речитатива и снова вдохнуть свежий морской воздух.

Под биты «Рэпа» раздетые по пояс худосочные мальчишки лет по двенадцать-четырнадцать по очереди подходили к турнику, подпрыгивали, хватались за перекладину и делали упражнение «Подъём с переворотом»: одновременно с подтягиванием они поднимали прямые ноги выше головы и, закидывали их за перекладину. И сразу переворачивались всем телом вверх головой - оказывались на турнике сверху.

Солнышко сверкало бликами на потных жилистых телах пацанов. Признанным лидером в этой спортивной группе был рослый широкоплечий с кудрявой головой парнишка с греческим именем Арсений.

Вдруг из ближайших кустов как «стая чёрных стрижей» на спортплощадку выбежали шестеро бритоголовых пацанов, тоже не старше четырнадцати лет одетых в чёрные: фут-

болки, штаны, кроссовки. «Стрижи» вели себя развязно, с вызовом, у каждого в зубах торчали длинные сигареты, только что, в кустах, прикуренные для храбрости. Бритоголовые обступили спортсменов.

Маленького роста белобрысый щуплый пацан, особо нахального вида, с фиолетовым подбитым глазом, выступил вперёд:

- «Чё-каво» Фуцан-ы-ы! – растягивая слова, проямлил нахальный пацан и развёл руки с выставленными «козой» пальцы.

Худенький мальчишка хмуро глянул на «Стрижей», нарочито неспешно поднял звуковую колонку – выключил «Рэп» спрятал колонку в свой рюкзак с изображением «Железного человека» из американского комикса.

Вялое «мяуканье» чаек доносилось с моря. Спортсмены у турника замерли кто где стоял, с угрюмым видом молчали – выжидающе смотрели на непрошенных «гостей».

Пацанёнок с подбитым глазом сразу определил свою «жертву», зыркнул на Арсения:

— «Чё» пялишься, окурок! – пацанёнок шагнул вперёд,

— «Хрусты» гоните!

На этих словах трое полуголых спортсменов ссутулились, сунули руки глубоко в карманы своих спортивных штанов, при этом головы их ушли в плечи. Спортсмены исподлобья напряжённо поглядывали то на белобрысого нахального «Стрижа», то на своего лидера Арсения – спортсмены по-прежнему не издали ни звука.

Второй «Стриж», чуть повыше ростом, двумя оттопыренными пальцами вынул обслюнявленную сигарету из своего перекошенного рта, и щелчком пальцев пульнул сигарету в сторону школьников. Сигарета, теряя искры, покатилась к ногам Арсения.

Швырнувший сигарету процедил сквозь зубы:

— Да, они «неотдупляют» - «феню не ботают», «Бажбаны».

— «Бабосы» гоните, уроды, - решив снизить до объяснений, белобрысый пацан с синяком сплюнул себе под ноги,
— Деньги!

Спортсмены молчали – не двигались. Поганенькая улыбочка вмиг слетела с лица пацана с синяком, он зло крикнул:

— Чё?! Оглохли? – он вынул руку из кармана, в кулаке был зажат маленький складной ножик. Пацан ногтём ловко подцепил и быстро вынул из ножа маленькое хромированное лезвие – опустил вниз, вдоль тела кулак с ножиком, зыркнул на Арсения, посмотрел на ножик, и снова метнул взгляд в Арсения.

Арсений выпрямил спину, - повёл плечами, разминая плечевые суставы.

— Ты сможешь так? – Арсений, там, где стоял, пружинисто подпрыгнул и в воздухе слёту уцепился руками за перекладину, ловко исполнил «Подъём с переворотом» - уселся сверху на перекладину, с высоты посмотрел на «Стрижей». Крутнулся всем телом и повис на перекладине. Через секунду Арсений закрутил «Солнышко»: вцепившись в перекладину, всем телом делал полные обороты, как крутятся часовые стрелки по циферблату - раз, ещё раз, и ещё в третий раз. Побелевшие кулаки Арсения цепко держали перекладину, отполированную мальчишескими ладонями до сверкающего блеска.

Банда чёрных «Стрижей» настороженно наблюдала, как Арсений безостановочно вращался и вращался на перекладине. «Стрижи», сами того не замечая, постепенно сближа-

лись – придвигались друг к другу.

На вторую свободную перекладину прыгнул худой мальчишка хозяин музыкальной колонки. Он тоже начал хлестко, со злым выражением на лице исполнять гимнастические упражнения. Третий спортсмен, рывком стянул с себя футболку, под тонкой кожей мальчишки рельефно двигались пучки мышц на плечах и на груди. С голым торсом он бросился на третью перекладину - тоже начал бешено крутиться на турнике. На каждом обороте из его рта вырывались сильные выдохи.

У некоторых «Стрижей» в глазах мелькнул испуг. Швырнувший сигарету, склонился к уху белобрысого пацана с сиячком и прошептал:

— Валим?

Первым с перекладины турника спрыгнул Арсений, он тяжело дышал, взгляд его был серьезный.

— Ну? Сможешь? – Арсений в упор смотрел на долговязого шалопая бросившего к его ногам сигарету.

— Замутим «батл»? Победите вы - получите наши деньги, — Арсений широко улыбнулся белобрысому «Стрижу»

с синяком, и потёр большим пальцем об указательный - сделал пальцами характерный жест «Деньги», в его голосе слышалась угроза и издёвка, — «Бабосики». Наши. А?

И тут же вдруг Арсений нахмурился:

— Если нет, вы сюда больше не приходите. Идёт?

Белобрысый «Стриж» с синяком под глазом молча сложил ножик, сунул нож в свой карман, уверенно пошёл к турнику и тут же, явно подражая Арсению, резво подпрыгнул, своими маленькими ладошками зацепился за перекладину. Это всё, на что его хватило. Как вялая сосиска, он дергался на перекладине, сучил своими ножками в воздухе – подтянуться ни разу не смог.

Тягостное напряжение мигом испарилось со спортивной площадки. На лицах спортсменов засветились улыбки, троица неспешно вынула руки из своих карманов, кто-то из спортсменов, не сдерживая себя, в голос хохотнул, глядя, как болтается на турнике белобрысый «Стриж» с синяком.

Чёрные кроссовки осторожно сошли с оранжевой резины площадки на пыльный асфальт - «Стрижи» медленно пятились, шаг за шагом отступали, уходили со спортивной площадки. Уставший болтаться, пацан с синяком, шлёпнулся с

перекладины на землю.

- Атаc! – взвизгнул, совсем по-девчачьи, кто-то из «Стрижей».

Падение пацана с синяком сработало как команда - «Стрижи» сорвались с места и окончательно упорхнули с площадки к кустам, из которых мину назад они вылетели.

Арсений растеряно, развёл руки, крикнул:

— Да, куда вы! Оставайтесь. Научим. Если хотите.

Арсений, видя, что «Стрижи» улепётывают, махнул опущенной рукой «А, ну вас». Услышав последние слова Арсения «Научим, если хотите», «Стрижи» остановились, чуть помедлили и нерешительно пошли обратно к турникам. Арсений протянул руку белобрысому пацану с синяком, тот уцепился за его крепкую руку, поднялся с земли, почесал свою «пятую точку», этой же рукой, сразу, утёр сопливый нос, «ойкнул», задев свой синяк под глазом, сморщился от боли.

Арсения распирало чувство победы. Он ощутил прилив сил, ему хотелось подпрыгнуть до небес, или сорваться с места и быстро-быстро побежать, оглашая пространство весё-

лым победным «улю-лю-каньем». Сейчас он мог даже побежать по морю. Были бы крылья, он полетел бы над морем. Арсений широко улыбнулся, снова с силой ногами оттолкнулся от резинового покрытия площадки, прыгнул на перекладину, опять сделал «Подъём с переворотом» и снова оседлал перекладину сверху - хитро смотрел на присмиревших «Стрижей».

Пацан с синяком выросший в среде, где сильный добивает слабого, сейчас был удивлён, даже больше того – его потряс поступок Арсения. Пацан с синяком запрокинул голову и нерешительно посмотрел на Арсения с довольным видом восседающего на перекладине. Арсений был в лучах солнца, его фигура сияла солнечным ореолом. Глазам было больно смотреть на Арсения, у белобрысого пацана с синяком залезли глаза. Он шагнул в сторону, чтобы солнце не било в глаза и резко приставил ко лбу ребром ладонь, сделал козырёк для глаз – по-прежнему пристально рассматривал Арсения. В Арсении что-то мощно притягивало внимание белобрысого «Стрижа».

Глава 7

2013 ГОД. АВГУСТ. КЕРЧЬ.

Жители Керчи, проживающие в своих частных лачугах, избах, домах, и особняках в летнюю пору, изнурённые днев-

ной жарой, ужинали и проводили вечера на открытом воздухе – наслаждались прохладой, общались, делились событиями прошедшего дня. Семья бизнесмена Адамопулоса не была исключением. В саду, над барбекю из кирпича вился сизый дымок – готовился шашлык. В просторной беседке за большим столом, пышно обставленным яствами сидели Адамопулос, его мама, жена Оксана и старший сын Алексей.

Сын, облокотившись на локоть, почти лежал на длинной скамье возле стола, смотрел на дымок над барбекю. Адамопулос присматривал за шашлыком. Женщины тихонько о чём-то говорили, так, чтобы мужчинам не было слышно. Смартфон, лежащий среди тарелок на столе, издал звук сообщения мессенджера WhatsApp. Жена Оксана взяла бутылку, в винный бокал налила вина маме и в свой бокал тоже. Мама Адамопулоса взяла свой смартфон.

- О! Ужас!! – воскликнула мама.

Адамопулос встревожено обернулся. Мама отшвырнула свой смартфон, как какую-то заразу. Телефон шлёпнулся на стол, задел бокал вина – красное вино выплеснулось, потекло, густо растеклось по белой скатерти. Напуганная мама ладонями закрыла глаза, её плечи затряслись, она зарыдала.

Оксана спокойно смотрела на свекровь, пригубила вино.

Оксана, знала о впечатлительности свекрови, поэтому расслабленно ожидала, когда свекровь успокоится, и сможет объяснить, что такого страшного свекровь увидела в мессенджере. Пребывая в лёгкой дрёме, Алексей вскинул голову, с удивлением смотрел на бабушку, он быстро сел, придвинулся к плачущей бабушке, прижал её к себе и нежно обнял. Адамопулос снова обратил свой взор на шашлыки.

- Бабуля, ну, чего ты? Наверняка это какой-нибудь фейк.

Жена Оксана медленно протянула руку, аккуратно поставила упавший бокал, промокнула салфеткой растёкшееся вино и потянулась за смартфоном на столе, посмотреть, что же так напугало свекровь.

Бабушка резко схватила смартфон со стола и воскликнула:

- Не смотри! Не надо! Там - ужас!

Адамопулос встал со своего места, подошёл к маме, взял из её рук смартфон – посмотрел в экран смартфона. На экране изображение обезглавленного тела Исмета. Адамопулос нахмурился.

- Да, что это такое, - мама всхлипывала, - У нас, что - не осталось мужчин? Совсем некому нас защитить...?

Мама подняла красные глаза на сына. Оксана тоже пристально смотрела на мужа. У хмурого Адамопулоса нижняя челюсть выдвинулась вперёд как у бульдога – он задумался. Алексей взял смартфон бабушки, посмотрел в экран.

- Нда... Это - не фейк.

Адамопулос достал из кармана смартфон, вышел из беседки в вечерние сумерки, с телефоном у головы двинулся в темноту меж садовых деревьев.

- Гена, привет. Можешь сейчас приехать на офис? Да. Есть разговор. Не по телефону. Щас ещё Сашке наберу. Давай. Жду.

Из-за спины Адамопулоса послышался голос Алексея.

- Па-а-ап, с тобой можно? – Алексей хмуро посмотрел на отца.

- Да. Поехали, сын.

Алексей побежал обуваться в дом. Адамопулос вернулся в беседку.

- Ну, куда – куда, ты его! – всполошилась Оксана.

Адамопулос, долго и молча, смотрел в лицо жене. Оксана, покорно кивнула – не стала перечить мужу. Обутый в кроссовки Алексей выбежал из дверей дома, подскочил к маме, чмокнул её в щёку, весело подмигнул ей, и побежал вслед за отцом. Сын и отец сели в белый автомобиль «Ягуар», выехали со двора.

Через полчаса в дверь небольшого офиса, с полкой во всю стену уставленной дипломами, благодарственными письмами и приветственными адресами в рамочках под стеклом постучали.

- Да! – громко отозвался Адамопулос.

Дверь тихо и плавно отворилась, через порог офиса никто не перешагнул. Алексей вытянул шею, Адамопулос приподнялся с места и увидел за порогом со шkodливymi лицами двух мужчин Генку и Сашку. Друзья явно дурачась, смешно скривили свои лица изображая персонажей из фильма «Гостья из будущего» космических пиратов «Весельчака У» и «Крыса». Адамопулос в голос засмеялся, Генка не выдержал, тоже прыснул от смеха, зажал рот ладонью. Сашка громко заржал – они оба вернули своим лицам обычное выражение добрых людей.

Воздух офиса сотрясли звонкие хлопки мужских ладоней, мужики обнявшись, похлопали друг друга по крепким спинам - перездоровались друг с другом, и уселись за стол для переговоров. Адамопулос восседая во главе стола, произнёс:

- Итак, пацаны. Надо чёта делать. Эти ублюдочные скоты вконец охренели. Керчь – город герой, если кто забыл. Возможно, сейчас нагоню пафоса, но, всё равно скажу. Деды наши не для того проливали свою кровь, чтобы эти нацистские ублюдки пугали наших детей и женщин. Пришло время нам защитить и себя, и своих близких. Доклад окончен. Обсуждаем. Что скажешь, Генчик?

Невысокий Гена, с крепко сбитым телом, плечистый, с крупными каре-зелёными глазами на круглом лице, как у голливудского актёра Леонардо Ди Каприо твёрдо произнёс:

- Я думаю, для начала надо координацию действий выстроить.

Адамопулос быстро отозвался:

- Да. Верно. Я знаю, как мы это сделаем. Таксисты, все сплошь и рядом, наши пацаны. Они мотаются по всему городу, всё видят и всё слышат. Дальше. Саня, что думаешь?

Саня, крупный мужчина, выше среднего роста, немного сутулый, лысый, лицом сильно похожий на актёра Киану Ривза, только со светло-голубыми глазами, с длинными руками и крупными ладонями с удлинёнными пальцами, удерживая руки у своего рта, тихо произнёс:

- Ну, тут без... - он задумался, подбирая слово, - без... Ну как сказать? – он щёлкнул пальцами.

Адамопулос и Гена спокойно ждали, внимательно смотрели на Саню.

- Наверное, слово «Бригада» самое подходящее. Короче! Без бригад не обойтись. Таксисты будут сливать «инфу» - нам же, как-то нужно реагировать. Во! – он просиял, - Группы реагирования нужны!

Адамопулос кивнул «Да», быстро сказал:

- Мои друзья спортсмены..., - он задумался, и сразу продолжил, - я поговорю с ними, сколотим из них «Бригады быстрого реагирования».

Адамопулос замолчал, снова открыл рот, собираясь что-то сказать. Закрыв рот. Он смотрел прямо перед собой, на

свои кулаки, что-то обдумывал. Тряхнул головой, мысленно сам себя одёрнул и сказал:

- Так. Меньше слов. На этом пока всё. Расходимся. На телефонах. Работаем – закончил Адамопулос, начал вставать и выбираться из-за стола.

Вдруг он замер, выпрямился, быстро глянул на Алексея, Саню и Гену.

- Мужики! – он замялся, - вот, не люблю я этот пафос, но как сказать, по-другому не знаю. Короче!

Саня и Гена, продолжая сидеть, притихли, внимательно изучали смущённое лицо их друга Адамопулоса. Он опустил взгляд и стал смотреть в серую столешницу стола. Наконец Адамопулос мысленно договорился сам с собой, вскинул голову, набрал воздуха полные лёгкие, и на выдохе выпалил:

- На свете ничего не меняется до тех пор, пока кто-то не начинает менять. И других способов не существует. Понимаете?

Желваки задвигались на лицах Сани и Гены, мужчины нахмурились, опустили глаза, и синхронно, не сказав ни слова, кивнули «Да». Адамопулос молча посмотрел в глаза сыну,

потом повернул голову и посмотрел в лицо Геннадию, и затем так же продолжительно посмотрел в глаза Александру. Мужчины поняли друг друга: «Нужно действовать».

Саня вставая, хлопнул своими большими ладонями по столешнице, у него получилось громко, он смутился. Глядя на его смущение, все мужики заулыбались. Гена протянул руку Адамопулосу, тот взял руку сына, стиснул пальцы Алексея, и притянул ладонь Гены. Саня двумя своими большими ладонями покрыл, как бы запечатал, поставил печать на рукопожатие друзей. Не разнимая рук, все четверо сурово посмотрели друг другу в глаза, снова кивнули «Да».

Мужчины молча разомкнули руки. Алексей опустил руки, глядя в лицо отцу, украдкой растёр затёкшие пальцы. Все направились к выходу, вышли в дверь. Адамопулос остановился на пороге, нажал на выключатель, потушил свет в офисе – закрыл дверь.

Глава 8

2013 ГОД. ЛЕТО. АВГУСТ. КЕРЧЬ.

Солнышко жарило от всей своей жаркой души. Чайки над морем продолжали мерно «мяукать». Худой мальчишка достал из рюкзака музыкальную колонку. Спортсмены сгруппировались у турника, собрались у босых ног своего лидера Арсе-

ния.

Резиновое покрытие спортивной площадки всё также напывало воздух едким запахом резины. «Рэп» снова разнёсся над спортплощадкой из музыкальной колонки. Спортсмены синхронно по-запрыгивали на свободные перекладины. Под рифмованный бит выполнять упражнения было сподручно - рэп задавал и темп и ритм.

Арсений, рискуя подвернуть стопы, резво прыгнул самого верха турника, чтобы погасить инерцию своего тела, он лихо крутанулся туловищем, шагнул к пацану с синяком и резко выставил вперёд ладонь с растопыренными пальцами.

— Арсений!

— Нахал! – шмыгнув носом, белобрысый пожал нагретую о железную перекладину ладонь Арсения.

От удивления Арсения протянул:

— Ка-а-а-ак?

— Да, бли-и-ин! – проямлил пацан с синяком, — Опять объяснять.

На самом деле, в глубине души, ему всегда нравилось устраивать такую «само-презентацию». Он скривил рот набок, вскинул лицо к небу, картинно закатил глаза, громко шмыгнул – загнал соплю поглубже в нос, сплюнул себе под ноги и скороговоркой выдал речь:

— Бабка, покойница, царство небесное ей, в детстве меня так звала – Нахалёнок. Потом во дворе слышали, ну и понеслось. Сначала меня бесило. Теперь норм. Привык. Даже круто.

— Чё, хочешь быть крутым? – заулыбался Арсений.

— Ты чё «лошара»? – вспыхнул Нахалёнок.

Хмурый тон Нахалёнка не смутил Арсения, он по-прежнему спокойно смотрел да улыбался.

— Чё «лыбу» давишь? (Улыбаешься) Все хотят быть крутыми! — Нахалёнок нахохлился, как воробей под дождём.

Ребята спрыгивали с перекошкин, подходили и обступали Арсения с Нахалёнком. Бритоголовые «Стрижи» жались друг к другу, всё ещё робко озирались, и осторожно поглядывали на спортивные, подтянутые фигуры друзей Арсения – не уходили.

Арсений улыбаясь, молчал. Он внимательно, даже изучающе смотрел прямо в серые живые глаза Нахалёнка. Арсений выжидал, молчал, желая дать выговориться Нахалёнку. Нахалёнок уже чуял подвох, но остановиться в своём словоблудии не мог, не хорохориться у него уже не получалось, он зыркнул на Арсения, оглянулся на своих «Стрижей», оттопырил губу, покосился на Арсения и выдал основную мысль:

— Крутых все боятся!

Арсений нахмурился, он строго, и даже с оттенком суровости произнёс:

— Когда боятся всегда хотят избавиться от страха, от того кто пугает. Тот, кто пугает, «ходит по краю», он всегда...

— Чё - это? По краю? – широко раззявив рот Нахалёнок вперился издевательским взглядом в Арсения.

Звуки «Рэпа» стихли – худой парнишка, чтобы лучше слышать разговор Арсения с Нахалёнком снова выключил музыкальную колонку и подошёл поближе.

Нахалёнок оглянулся налево, тут же мотнул головой направо, увидел, что их разговор уже слушают все на спортив-

ной площадке, чтобы скрыть своё смущение от присутствия аудитории, он опять скривился в ехидной улыбке и с издёвкой в голосе процедил сквозь зубы:

— По какому краю? Чё за край такой? – Нахалёнок оглянулся на своих пацанов, криво подмигнул им.

— Хорош придуриваться, не переводи тему, — вдруг твёрдо произнёс Арсений, — кто пугает, тот всегда и постоянно в зоне риска - его все хотят грохнуть. То есть что?

— Что? – стараясь скрыть уже возникший интерес к словам Арсения, Нахалёнок выставил вперёд одну ногу, и быстро сунул руки в карманы.

— Он сам боится. Сам напуган, — спокойно закончил Арсений.

Пацаны из группы Нахалёнка, закрыв ладошкой рты, активно перешептывались, обсуждали меж собой услышанное от Арсения, вертели головами, обменивались понимающими взглядами.

Арсений возвышался над всеми, его высокий рост позволял ему смотреть поверх голов, он заметил, как от обступивших его с Нахалёнком пацанов отделился парнишка в чёр-

ных штанах и футболке. Арсений видел, как «Стриж» подошёл к рюкзакам, лежащим на резиновом покрытии спортивной площадки. «Стриж» слегка наступая на рюкзаки, ногой ощупывал содержимое рюкзаков, при этом делал вид, что смотрит на море. Арсений улыбнулся, и, не сводя глаз с воришки, продолжил говорить:

— Он напуган. Живёт в вечном страхе. Поэтому и пугает других. Отпугивает, чтобы боялись и не напали на него. Ты готов так жить? Хочешь?

Нахалёнок «завис», по его растерянному лицу и отвисевшейся нижней губе было видно, что мозг его усиленно усваивал сказанное Арсением. Вместо ответа, Нахалёнок сказал:

— И, чё?

— Его боятся, а не уважают. Когда уважают, с таким все хотят быть, — ответил Арсений, не глядя на Нахалёнка.

Рослый Арсений видел, как чёрный воришка медленно склонился над чьим-то рюкзаком. Нахалёнок неожиданно искренне и заморожено произнёс:

— Умны-ы-ый, — от удивления он вытаращил свои глазёнки - сам жутко удивился тому, что он сказал.

— Это не я такой умный. Это мне отец объяснил, — Арсений снова заулыбался, — когда уважают - тебя все защитят, все поддержат тебя – всегда помогут. Крутой тот, кого уважают.

— И, чё... - Нахалёнок уже совсем забыл о своих «понтах», шустро вынул руки из карманов, сцепил пальцы рук, глаза его заблестели - ему страсть как захотелось, чтобы его уважали, он выпалил, — чё делать-то надо?

— Вот! Правильный вопрос! Молодец! — Арсений хлопнул по плечу Нахалёнка.

Вдруг Арсений резко присел низко на корточки. Чёрные пацаны вытянули шеи, они усилено завертели головами, тарасили глаза стараясь рассмотреть, куда неожиданно исчез Арсений.

В боксе на разминке применяют «Гусиный шаг» - это когда нужно передвигаться в низкой посадке, переставляя согнутые в коленях ноги, удерживая равновесие. Движение это напоминает движение жирного гуся, переваливающегося с боку на бок и переставляющего свои оранжевые перепончатые лапы.

Таким «Гусиным шагом» Арсений, помогая себе руками, отодвигал в стороны ноги стоящих пацанов, быстро двигался сквозь толпу. Оказавшись вне толпы, Арсений оттолкнулся руками и ногами от резинового покрытия площадки и как самая настоящая пантера, в прыжке растянулся в воздухе – моментально оказался рядом с воришкой.

— «Димон!» – пропищал голос из группы «Стрижей».

Воришка вскинул голову, дёрнулся, но было поздно, бо-сой ногой Арсений наступил на ладонь воришки Димона.

— Это мой рюкзак. У меня что-то есть, что тебе нужно?

Димон дёрнулся снова. Арсений ногой сильнее прижал ладонь воришки. Лицо воришки Димона скривилось от боли. Из толпы всё тот же визгливый голос воскликнул:

— Валим!!

«Стрижи» грубо распихали всех стоящих спортсменов снова побежали прочь – теперь в сторону моря. Спортсмены им не мешали, они с улыбками на лицах провожали убегающих. Нахалёнок не понимая, что происходит, завертел головой. Услышав привычную команду «Валим» вся фигура Нахалёнка напряглась, центр тяжести его тела переместился

на одну ногу, вторая нога уже согнулась в колене, собираясь оттолкнуться и побежать.

— Да, подождите! Стойте! – Арсений убрал ногу с ладони Димона – воришка тут же вскочил и побежал.

— Спросить хочу, — Арсений с улыбкой крикнул в спину Димону, — чего хотел-то?

Воришка отбежал метров на пятнадцать, остановился рядом со своими «Стрижами» и прокричал:

— Пошёл нафиг! — махнул рукой, позвал Нахалёнка, — Валим!

Арсений взял открытый рюкзак, посмотрел в него, убедился, что всё на месте, обращаясь к Димону, крикнул:

— Да, ладно, чё вы, давай договорим.

«Стрижи» в метрах ста стояли «набычившись». Молчали. Не уходили. Парень в кепке крикнул:

— Нахал, чё ты сними «базаришь»? Айда!

— Ну, вы же чёта хотели. Зачем-то полезли ко мне. Чего

искали? На свою задницу приключений? – Арсений беззлобно, спокойно улыбался, медленно приближался к «Стрижам».

Вертялый, «весь как на шарнирах» пацан в кепке кривляясь, подражая персонажам из кинофильмов про бандитов, стараясь перекричать дистанцию, на которой они стояли, надсадно заорал:

— Адреналина хотели хапнуть! «Движухи» охота. Скукота. Тебе «душнила» не понять.

Спортивные ребята дружно в голос засмеялись – «Ха-ха-ха-ха!» Такая неожиданная и наивная откровенность, поданная как «крутые понты» выглядела нелепо. Парень в кепке осёкся, понял, что «сморозил» глупость, опустил голову, козырёк кепки скрыл покрасневшее лицо пацана.

Нахалёнок с опущенной головой вышел из группы спортсменов, остановился, вскинул голову, даже издалека было видно, как он сурово смотрел на пацана в кепке - тот увидев гневный взгляд Нахалёнка, втянул голову в плечи, отступил за спины «Стрижей». Нахалёнок вскинул руки к груди, сжал кулаки, словно собрался боксировать, сорвался с места, и широко шагая к своим «Стрижам», закричал на парня в кепке:

— Слышь, ты! Чё ты, гонишь! Не «база-арь»!

Спортивные пацаны снова грянули дружным хохотом – их смешили нелепые потуги малолетних пацанов в чёрной одежде быть «крутыми перцами».

— Адреналина - говорите? Так зачем грабить-то? Чего в рюкзак мой полезли? – Арсений, медленно вышагивая, всё двигался и двигался в сторону «Стрижей».

— Ну, ты же ведь хотел меня ограбить? «Бомбануть» - как вы говорите. Разве нет? – Арсений расслабленно улыбался.

— Короче, чувак! Вали нафиг! — донёсся всё тот же писклявый голос.

Нахалёнок, на ходу обернулся. Не дойдя до своей банды, он друг остановился. Хмуρο глянул на свои запылённые чёрные башмаки, сплюнул себе под ноги. Оглянулся. С тоской во взгляде снова посмотрел на Арсения, вскинул руку, вяло покачал раскрытой ладонью в жесте «Пока-пока», опустил голову и медленно пошёл к своим. Вся скорбная фигура Нахалёнка выражала желание остаться и договорить с Арсением такой важный для Нахалёнка разговор.

— Так адреналина можно «хапнуть» по-другому – уже в спину Нахалёнка весело крикнул Арсений.

Нахалёнок остановился, резко обернулся, крикнул:

— Как это?!

«Стрижи» ожидая для себя опасность в приближении Арсения, настороженно пялились на него, вытаращив глаза, ещё больше сгрудились, сомкнули свои ряды, встали плечом к плечу.

— Чё я буду орать. Подойди. Договорим спокойно.

Нахалёнок медленно, как бы нехотя, повернулся к Арсению, сделал шаг, обернулся к своим, качнул им головой «За мной». Выражение сожаления на его лице моментально сменилось на маску «крутого пацана» - уголки губ опустились книзу, брови встали «домиком», как будто он удивлялся, в глазах заблестела чертовщинка. Нахалёнок неспешно, вразвалочку пошёл к Арсению.

— Садись, поговорим, - Арсений сел на горячее резиновое покрытие спортплощадки.

Нахалёнок подошёл к Арсению согнул ноги в коленях,

уселся по «блатному» «на корт**Ы**» (на корточки). «Стрижи» медленно возвращались на спортплощадку. Спортивные ребята полукругом расселись по правую и по левую руку Арсения. Спортсмены сидели, «Стрижи» стояли, не решаясь садиться, по-прежнему тревожно соблюдали осторожность.

— Ну вот, вы хотели меня «дёрнуть». (Ограбить) И чё - это типа «движ»? Да?

Арсений перевёл взгляд с Нахалёнка на лица «Стрижей». Он, молча своим твёрдым взглядом, осматривал лица бритоголовых пацанов. Он посмотрел в лицо каждому чёрному пацану, кто не прятал глаз и продолжил:

— «Движуху» можно и по-другому словить. Адреналина можно и без криминала хапнуть.

— Ну, как?! Как?! Достал, тУпишь! Вот ты «токсик*»! Как это - по-другому? – разозлился Нахалёнок.

Примечание*: «Токсик» - сленговое выражение, происходящее от английского слова "toxic" (ядовитый). В современном русском языке оно используется для обозначения человека, чьё поведение негативно влияет на окружающих, «отравляет» им жизнь.

— Ну, например человек с крыши падает. Пойти, спасти человека. Адреналин? — Арсений довольный собой ответил, — Да.

Хмурое лицо Нахалёнка просветлело шkodливой улыбкой — он заулыбался.

— Ха! Ты, чё дурачёк совсем? Хе-хе-хе...

Среди чёрных пацанов прокатился одобрительный гоготок. Улыбка на лице Нахалёнка растянулась ещё шире, он закачал головой «Да-да», оглянулся на рядом стоящего чёрного пацана, надменно глянул на него, закончил:

— Где мы этих «падучих» найдём? Лохов «гоп-стопить» проще.

— Проще не значит лучше, — Арсений улыбался, его всё ещё забавило неуклюжее изображение Нахалёнком «бывалого бандита».

Нахалёнку было интересно, что говорил Арсений, и при этом Нахалёнок понимал, своё падение с перекладины нужно хоть как-то «замазать», заболтать, поэтому нужно срочно если не восстановить, то хотя бы удержать на прежнем уровне свой авторитет. Упасть ещё ниже в глазах своих пацанов

он допустить никак не мог.

Нахалёнок и раньше изображал «крутизну», как он её понимал: Развязное поведение, небрежные движения руками и ногами, растягивание слов в их произношении. Сейчас Нахалёнок вдвое, а то и втрое усилил свои «манеры» - не понимая, насколько ещё смешнее он стал выглядеть со стороны.

Нахалёнок скривил лицо, отчего брови стоящие «домиком» уже совсем топорщились, кожа на лбу сложилась в морщины. Он искривил рот так, что у носа и на подбородке появились глубокие складки. Мальчишеское лицо стало похоже на маску сморщенного старика.

— Короче, иди нафиг, прогоняй свою тухлятину лохам – пробубнил искривлённым ртом Нахалёнок.

Спортивные ребята прыскали от смеха в кулаки, глядя на Нахалёнка.

— Спасти человека - это тухлятина? – серьёзным тоном спросил Арсений.

Он прямо смотрел в глаза Нахалёнка. Нахалёнок моргнул, и взгляд его стал растерянным. Нахалёнок ещё быстро-быстро заморгал, двинул кулаком по своим влажным ноздрям,

тут же громко шмыгнул носом. Нахалёнок изо всех сил старался спрятать свою растерянность. Возникла пауза. Из толпы чёрных пацанов знакомый всем писклявый голос возмущённо возопил:

— Да, кого спасать-то?!

Арсений не удостоил своим вниманием «писклявый вопрос», спокойно продолжил:

— Спасёте человека, вас по «телеку» покажут, слава, знаменитость. Уважать начнут вас.

— «Телек» тухлятина, - вяло разлепляя губы, процедил Нахалёнок.

— Ну, в интернете. Какая разница, где покажут. Главное слух пойдёт.

Парень в кепке шагнул к Арсению, тоже уселся «на корты», с явным интересом в голосе произнёс:

— Ха, ну, да...! Круть! Слава - «зашибись»! Тёлки любят славу. А ещё Петю, Васю, Лёшу... Хе-хе-хе...

Бритые головы «Стрижей» закачались, соглашаясь, рты

их искривились в улыбках, среди «чёрных» снова прокатился одобрителный хохоток – «Стрижи» приняли эту несмешную шутку.

— Вот! Да! Все «тёлки» сразу ваши. Отбоя не будет – Арсений по-прежнему спокойно улыбался.

Нахалёнок, втянул голову в плечи, подался всем телом к Арсению, зло едва слышно вкрадчиво проговорил:

— С - е - н - я... Ты чё всё тут умничаешь?

Нахалёнок понимал, что Арсений чего-то добивается, но Нахалёнок пока не мог понять чего именно. Он исподлобья, колючими глазами глядя на Арсения, процедил сквозь зубы:

— Тебе чё надо?

— Мне? Да, ничего. Просто интересно мне...

Нахалёнок, вскинулся, перебил Арсения:

— Чё?! Чё тебе интересно? – он покосился на своих пацанов, весь его вид говорил: «Оценили - как я его? А?»

«Стрижи» явно были довольны поведением своего лиде-

ра. Нахалёнок увидел это, и на лице у него появилось выражение «Вот! То-то же!» - он надменно посмотрел на Арсения.

— Ну, интересно мне как долго вы останетесь на воле, промышляя «гоп-стопом». Ещё парочка таких наездов на лохов, и вас «менты» враз «срисуют». И никто ваш лепет про адреналин слушать не станет. Сечёшь, о чём я? – улыбка не сходила с невозмутимого лица Арсения.

Нахалёнок насупившись, «сверлил» взглядом Арсения - молчал.

— А то о чём толкую я – тут криминала никакого. И адреналина хоть отбавляй. Спас человека – тебе уважение и благодарность, — Арсений обратился к парню в кепке, — Согласись?

Парню в кепке явно польстило внимание Арсения, он широко заулыбался, соглашаясь, закивал головой, сказал:

— Ну, да. Круть, - вдруг улыбка сошла с лица парня в кепке, ему не давала покоя мысль, и парень её тут же выдал, — Да, блин, а кого спасать-то?

— Да было бы желание, а случай непременно подвернёт-

ся. Стоит только захотеть. Мысль материальна. Даже дети знают об этом.

Нахалёнок пропустил непонятную ему фразу «Мысль материальны», пустыми глазами уставился в резиновое покрытие спортплощадки.

— Да-а-а. «Зашибись»! – пискнул голос «стрижа» по кличке Пискля.

— Ну, вот – дарю идею! – Арсений ещё шире заулыбался, - ладно, пойду я. Засиделся я тут с вами. Бывайте.

Арсений подобрал ноги, согнул их в коленях, и, не помогая себе руками, с прямой спиной встал, стремительно развернулся лицом к турнику, с места прыгнул, в прыжке достиг перекладины, и снова бешено завертелся на турнике.

Спортивные ребята один за другим тоже встали, расслабленно с улыбками поглядывая на «Стрижей», разошлись к турникам. Худенький спортивный пацан опять включил свою звуковую колонку - над спортивной площадкой опять зазвучал «Рэп».

Прошло три недели со дня встречи Нахалёнка и Арсения. Нахалёнок явно хандрил. Энергия, которая вызывала в нём прилив куража, лихости и задора, вдруг эта энергия неожиданно иссякла в нём. Цепляться к прохожим Нахалёнку стало не интересно. Пропала охота грубить старшим. «Ботаны» и «Фрики» перестали вызывать своим видом раздражение, и Нахалёнку уже не хотелось их задирать и «шманать» у них карманы на предмет изъятия карманных денег.

Нахалёнок вялой, расхлябанной походкой двигался по «Ленте», по пешеходной улице имени Ленина в Керчи. Когда он был разухабист, он непременно начал бы обращать на себя внимание, строил бы на своём лице смешны рожи, приставал бы, крутился-вертелся возле людей с профессиональной телекамерой.

Телевизионщики стояли посередине «Ленты», снимали очередной свой новостной репортаж. Парень с микрофоном останавливал взрослых людей, задавал им какие-то вопросы.

Нахалёнок погружённый в свои думы, сначала даже не заметил телевизионщиков. Когда поравнялся с ними, Нахалёнок медленно повернул голову, исподлобья глянул в сторону репортёра с микрофоном, сплюнул в сторону оператора. Оператор дёрнул ногой, чтобы слюна не попала ему на ногу, отчего оператор шевельнул камерой, и усатый мужчина, ко-

того снимал оператор, на мгновение «выпал» из кадра.

— Ты, чё?! – зло фыркнул на Нахалёнка оператор, - Урод!

— Давай заново, с этого места, - проворчал оператор репортёру, — брак получился. Ещё дубль.

Усатый мужчина недовольно закатил глаза, шумно выдохнул, украдкой глянул на часы на своей руке. Журналист с непонимающим взглядом уставился на оператора, потом посмотрел на Нахалёнка.

Такой грубый выпад в свою сторону Нахалёнок неделю назад ни за что не спустил бы. Он или отвесил бы пенделя оператору, или разбил бы камеру этому «ти-ви-шному» «утырку». Как все телевизионные операторы, этот тоже слишком много о себе мнил. Ставил в собственных глазах себя выше всей этой обывательской «черни» - «Телезрител*Ей*». Стараясь выглядеть остроумным, оператор умышленно смещал ударение в этом слове - ему казалось, что так получалось смешно.

«Сбить корону» было любимое занятие Нахалёнка, поставить на место зарвавшегося «хмыря» нравилось Нахалёнку. Сейчас Нахалёнок встретился со злыми глазами оператора, и просто лениво ухмыльнулся, отвернулся и пошёл дальше

по «Ленте».

Никогда прежде Нахалёнок не задумывался о том, что говорил Арсений. Пятнадцатилетний Нахалёнок, сын капитана милиции, и алкоголички матери, катился по жизни таким «весёлым колобком». И всё, что прикатывалось в его жизнь, или он закатывался в какие-то события, всё это было каким-то «вечным праздником» - фальшивым аттракционом. Папа «мент» по-настоящему любил Нахалёнка. Любовь эта выражалась в том, что папа не задумываясь и не разбираясь всегда «отмазывал» сына, отводил от него угрозу сеть в тюрьму по «малолетке». Папа глубоко верил: его сын ни в чём не может быть виновен. Нахалёнок знал об этом, и от того всё больше борзел, становился маленьким злобным шакалёнком.

В отличие от уверенного отца мать, регулярно пребывая в тщетных поисках истины на дне бутылки с водкой, вообще ни в чём не была уверена - ей было абсолютно всё равно как жил Нахалёнок.

Нахалёнок каким-то своим «шестым чувством» ощущал, что весь этот праздник был подобен бумажному конфетти. Да - ярко, да – броско, и при этом вся эта цветня мельтешня лишёна всяких смыслов. Откуда-то из «далёкого далёка» глубин его головы постоянно возникали мысли - своей

неожиданностью сбивавшие его с толку, вводившие в смятение его душу и мешали беззаботно катиться по жизни.

Мысли эти были из категории «Вечных вопросов». Например, таких как: «В чём смысл жизни?» Понимание, что ответ на такой трудный вопрос он никогда не сможет отыскать, вводило его в состояние тоски и грусти. Именно эта «Вселенская грусть» поглотила Нахалёнка после его встречи с Арсением.

— Да, что за хрень со мной творится? Сдохнуть хочется,
— раздражённо пробубнил себе под нос Нахалёнок.

Он оглянулся, снова увидел, уже ставшими маленькими, фигурки телевизионщиков в конце «Ленты» – он ушёл уже достаточно далеко. Нахалёнок вскинул руку, сложил пальцы трубочкой, приставил «трубочку» к глазу и стал смотреть на оператора и репортёра через воображаемую подзорную трубу.

— Ну, его нафиг - этот «тухляк»! Праздника хочу! – чётко произнёс Нахалёнок.

Старушка, проходившая мимо, вздрогнула, испуганно покосилась на Нахалёнка говорившего с самим собой. Вдруг сморщенное лицо старушки расплылось в улыбке:

— Ничё-ничё внучек, не тушуйся, я сама с собой говорю тоже, — старушка примирительно махнула рукой и пошла дальше.

Нахалёнок даже не повернул голову в сторону старушки, он поднялся на носки башмаков, тут же резко встал на полную стопу, чуток подпрыгнул на месте, как это делают спортсмены по лёгкой атлетике перед прыжком в высоту.

— У-у, злодеи! – почему-то брякнул Нахалёнок, и с этими словами затопал по брусчатке толстыми подошвами башмаков - побежал. Старушка остановилась, обернулась, тревожно смотрела вслед Нахалёнку.

— Эх, дети-дети, что с вами стало, — сокрушённо покачала головой старушка, и двинулась восвояси.

Нахалёнок бежал с приставленной «Подзорной трубой» к глазу, всё быстрее и быстрее разгоняясь. Фигурки телевизионщиков стремительно увеличивались в «Подзорной трубе». Оператор и репортёр стояли спиной, а усатый мужчина, тот, кому задавали вопросы, уже увидел Нахалёнку. Глаза у мужчины с усами распахивались всё шире и шире, он начал отклоняться в сторону всем телом и даже отступил на шаг назад – снова выпал из кадра в видеокамере. Оператор нахмурился, выглянул из-за камеры, мысленно выругался, него-

дующе посмотрел на мужчину с усами. Мужчина с усами в страхе вскинул руку с выставленным прямым указательным пальцем, тыча в Нахалёнка, бежавшего на них с лицом, перекрошенным злостью.

Теперь и телевизионщики слышали топот башмаков на толстой подошве. Репортёр, а за ним тут же оператор - оглянулись. Репортёр шустро сунул микрофон в руки оператору, кинулся бежать. Оператор как лицо материально ответственное - камера дорогая, убежать, как убежал репортёр не мог. Оператор быстро смекнул, что пацан бежит по его душу, и что его сейчас станут бить. Он проворно схватил штатив с камерой. Камерой к себе, «ноги» штатива выставил навстречу летящему на него Нахалёнку.

Шаг, ещё шаг, третий шаг – всё происходило как замедленном кино: Нахалёнок выкидывал вперёд в широком шаге ногу, оператор медленно зажмурился, усатый мужчина, плавно двигаясь, скрывался, прятался за оператором. Отбежавший в сторону репортёр медленно разворачивался телом, в движении поворачивал голову и с окаменевшим лицом смотрел, чем всё закончится.

В голове Нахалёнка прозвучал голос Арсения: «Спаси человека». Башмаки на толстой подошве, до этого шлёпаясь о брусчатку носами, вдруг стали соприкасаться с брусчаткой

каблуками. Нахалёнок начал ставить ноги так, чтобы затормозить своё движение. Дикий, злобный задор сошёл с его лица. На лице его появилось выражение детского недоумения. Он чуть откинулся всем телом назад, раскинул руки, словно хотел удержаться за воздух. Через пару приземлений на каблук, движение ног Нахалёнка сильно замедлилось. Он уже не выкидывал ноги вперёд, а семенял ими. Наконец погасив инерцию, Нахалёнок остановился. Он часто-часто заморгал, двинул рукавом себе по лицу, отёр слюну, от скорости растёкшуюся по щеке. Нахмурился. Тряхнул головой прогоняя мысли о празднике. Он снова подумал: «Спаси человека».

Нахалёнок остолбенел в паре метров от оцепеневшего оператора, со вскинутым штативом, стоявшего на полусогнутых ногах. Оператор готовился отразить нападение и чтобы смягчить удар согнул ноги в коленях. Из-за фигуры оператора показался мужчина с усами.

— Это - что такое? — первое, что смог сказать напуганный мужчина с усами.

Нахалёнок вздрогнул от этого вопроса, на лице его вмиг появилось прежнее задиристое выражение, он сплюнул в сторону оператора.

— Сам ты - урод.

Нахалёнок надменно усмехнулся, развернулся на каблуке, и пошёл прочь.

Глава 10

2013 ГОД. ОСЕНЬ. КЕРЧЬ.

Массивный корпус сухогруза вытеснял вокруг себя толщу морской воды. У носовой части корабля прозрачная вода горячилась потревоженная стальным форштевнем сухогруза. Вода сопротивлялась, возмущаясь, пенилась и бурлила, и, дойдя до середины корпуса корабля, покорно смирялась, плавно обтекала могучие, высокие борта сухогруза. Огромные бронзовые винты притягивали успокоенную воду, и теперь уже против своей воли, вода снова приходила в яростное бурление. Винты закручивали воду в тугие струи и эти водяные живые струи, стремясь вырваться из железных объятий винтов на свободу, отталкиваясь от лопастей винтов, двигали сухогруз по морю.

Сухогруз степенно и величаво, едва заметно для глаз перекатываясь с одной огромной, покато́й, широко распластанной волны на другую такую же вальяжную волну. В открытом море волны всегда широкие, пологие, похожие на холмы на суше. Низкое атмосферное давление и порывистый ветер, вызванный низким давлением, превращал эти

изумрудные холмы сначала в сопки, и совсем быстро в горы с высокими с белой пеной пиками. Что делало вид гор из морской воды полной копией земных гор с шапками снега на скальных вершинах.

В каюте Андрея из динамика раздался голос капитана: «Судно поворачивает, возможны большие углы крена, пожалуйста, приготовьтесь. Спасибо»

Андрей встал с койки, удерживая равновесие по качающему полу каюты, дошёл до иллюминатора – посмотрел через стекло на море. За бортом переворачивались и вздымались могучие пласты воды. Море бушевало. С верхушек водных пиков ураганный ветер срывал белую пену. Куски морской пены, терзаемые ветром, рассекались на ещё более мелкие клочки, а клочки измельчались и разлетались белой пылью, похожей на снег, врезались в очередную вздыбившуюся водную толщу, растворялись в ней, чтобы снова взбиться в белую пену, взлететь на вершину водного пика и снова сорваться, и снова полететь по воздуху в виде белого «водяного снега». И, так – бесконечное число раз.

- Нд-а, штормит, - тихо проговорил Андрей.

Он взял со стола пару книг, зарядное устройство для смартфона и убрал всё это в рундук. Повертел головой,

осматривая каюту, что бы ещё нужно было убрать. Убедившись, что всё в его каюте пребывало на своих закреплённых штатных местах, Андрей двинулся по кренившемуся в разных плоскостях полу обратно к койке.

Плюхнувшись на койку, Андрей взял смартфон, палец его прошёлся по экрану, по списку контактов, нашёл надпись «Родная» и нажал на кнопку «Видеосвязь». Не сразу, через пару минут, на экране появилось очаровательное лицо Лены – племянницы дядя Игната и тётки Любы, тех, что выгнали из своего дома излагающего нацистскую идеологию профессора из Львова. На экране было видно лицо Лены, и скрипку. Судя по освещению её лица, Лена явно стояла на улице.

- Здравствуй, родная!

- Приве-е-ет! – заулыбалась Лена.

- Леночка, родная моя скоро, очень скоро мы увидимся. Этот рейс у нас небольшой. До Турции сможемся и обратно. Не скучай. Люблю тебя, моя хорошая.

- Андрюша, скорей бы уж... Мне плохо без тебя.

- Ты у меня молодец – вон, от страхов своих избавляешься – ты же на улице сейчас? Играешь?

- Так это твоя идея.

- Идея-то моя, а делаешь ты. Горжусь тобой. Ну, всё родная, давай, пока-пока.

- Люблю тебя!

- Я тоже люблю тебя!

Лена стояла со скрипкой в руках возле лавочки на «Ленте». Она выключила смартфон, положила его в карман куртки. Посмотрела в один конец пешеходной «Ленты», потом повернула голову в другую сторону «Ленты». Людей в этот час на «Ленте» было не много. Лена с тоской в глазах посмотрела на скрипку. Она покосилась на замедлившую шаг старушку с продуктовой тележкой – старушка явно хотела услышать звуки скрипки, она остановилась и внимательно смотрела на Лену.

Лена тяжело и протяжно вздохнула. Удерживая боковым зрением старушку, мысленно желая, чтобы старушка ушла, Лена приложила подбородник скрипки к своему лицу. Smyчок в руке Лены завис над струнами. Старушка остановилась, она не сводила глаз с Лены. Обе руки Лены опустились. Скрипка висела в воздухе удерживаемая подбородком Лены.

Она затравленным взглядом посмотрела в любопытные глаза старушки. Лена опять вздохнула, словно игра на скрипке была для неё пыткой.

Рука Лены медленно поднялась к скрипке. Как будто гриф скрипки был ледяным и мог обморозить пальцы или напротив, мог ожечь раскаленным жаром - тонкие пальцы Лены робко, одними подушечками пальцев, как бы приноравливаясь, она слегка коснулись полированного дерева грифа. На мгновение белые пальчики замерли над грифом, и только потом осторожно кисть Лены плотно обхватила гриф.

Лена чуть повела головой, её подбородок выпустил скрипку. Лена шумно выдохнула и на выдохе быстро опустила скрипку вниз к брусчатке. Брови на лице старушки взметнулись вверх, она удивилась, и тут же на лице старушки появилось разочарование – старушка протяжно, как это минуто назад сделала Лена, вздохнула, взгляд у старушки потух, она опустила голову, качнула головой «Эх».

- Извините, - тихо произнесла Лена.

Старушка глянула на Лену, качнула рукой «Ладно» и покатила свою подпрыгивающую на брусчатке маленькими чёрными колёсиками продуктовую тележку.

- Ну, что же я..., - плаксиво тихо простонала Лена.

Лена дождалась, когда старушка ушла подальше, вскинула скрипку к лицу, быстро и уверенно ухватила её подбородком, и, не раздумывая, тронула смычком струны. Над «Лентой» зазвучало бодрое произведение «Каприс двадцать четыре Никколо Паганини».

Чем дольше играла Лена, тем светлее становилось у неё лицо – она уже забыла о том, что она на улице, забыла, что жутко боится людей - вечная мелодия великого Паганини всецело захватила внимание Лены.

По брусчатке «Ленты» вышагивал Владимир, он увидел свою знакомую Лену ещё издалека. Чтобы не отвлекать своим появлением Лену и не мешать ей исполнять трудное классическое произведение, Владимир подошёл со спины Лены, остановился и с умильным видом на лице стал слушать стройные звуки Лениной скрипки. Лена закончила играть, Владимир искренне захлопал в ладоши, Лена нервно обернулась.

- О! Здравствуйте!

- Здравствуйте, Лена! Всегда с большим удовольствием слушаю – вы молодец! За удовольствие вас благодарю! – Вла-

димир поднял ладони к груди, сомкнутые у основания запястий, прямыми пальцами изобразил символический хлопок.

Лена сделала книксен - поклон с приседанием, как знак приветствия, благодарности со стороны девочек и девиц, принятый в буржуазно-дворянской среде - реверанс.

- Как поживаете Лена, вижу, что хорошо, но любопытны детали.

- Да, вот..., - Лена замялась, - стою, исполняю Вивальди, а в голову лезут мысли о фэйках.

- О фэйках?! – удивлённо вскинул брови Владимир.

- Как, ну, как разобраться? – Лена, вдруг разволновалась, – нас, наши головы затопили информацией по самую макушку. И самое гадкое, что информация разрушительная, крушит мозги всем подряд направо и налево. Патриоты на самом деле не патриоты - оказывается. Враги, оказывается не просто враги, отъявленные сатанисты. И всё это валится и валится из информационного пространство на людей – на всех людей одним сплошным потоком. Как тут не свихнуться? Ведь из «каждого утюга» достают человека. «Каждый утюг» стал рупором, стал мегафоном, громкоговорителем, а он ведь всего лишь утюг, он бельё гладить должен, и на этом

всё. Что делать? – её эмоциональный запал, как и воздух из её лёгких весь вышел, она тяжело задышала, переводя дух.

- Мой ответ простой, и от того может показаться издёвкой. Но, я не издеваюсь, - серьёзно сказал Владимир.

Лена полностью обратилась в слух, склонилась в его сторону, и даже чуть повернула голову, выставила вперёд своё музыкальное ухо. Ей, правда, было важно понять.

- Всё что приходит в мою жизнь, не важно, новость из уютга, - он усмехнулся, - или событие какое-нибудь - я всегда пропускаю через простой фильтр-вопрос: Соответствует это жизни, помогает это, появится жизни, или сохранить жизнь - помогает? Или защитить жизнь - эта информация помогает? Улучшает жизнь?

- Да. Сказано красиво. Да, как применить это, например, к..., - она задумалась, - Ну, скажем, как узнать фейк это или не фейк?

- Что ж тут сложного? Всё просто. Да, понимаю, тут наловчиться нужно, чтобы в привычку вошло, применять этот вопрос-фильтр. Смотришь видео сгенерированное нейросетью..., - Владимир увидел, как у Лены поползли на лоб брови от удивления, - Да-да, искусственный интеллект уже уме-

ет делать видео, пока косо и криво, но умеет, а будет очень скоро делать такое видео, что не отличишь от настоящего, снятого на камеру. Смотришь такое видео, и задаешь сама себе вопрос: Помогает жизни то, что увидела. Жизни это – помогает? И так далее и тому подобное, - он помолчал, - Дело привычки. Да, - кивнул он, соглашаясь с самим собой.

Лена открыла рот, хотела спросить что-то ещё, он её опередил.

- Понимаете..., - он замолчал, глаза его уставились в одну точку, он мысленно формулировал фразу, - понимаете, в информационной войне, мы тоже создаём фейки. Ну, говорим то, чего не было на самом деле - я об этом. Ну, например, вчера я прочитал новость: «Россия создала мощный лазер, которым можно сбивать спутники из космоса». Ну, ведь понятно, что приврали, если не соврали. Пойди, проверь. Не проверишь. Итак, вопрос: После такой новости образ у России, какой? Позитивный или негативный? – он смотрел на неё, ждал от неё ответа.

Лена помедлила, и произнесла:

- Ну, думаю - это хорошо, если станут думать, что у России есть такие технологии.

- Ну, вот, видите, вы сама всё понимаете. Не имеет значения, что такой технологии у России нет, пока нет, - он с многозначительным видом, поднял указательный палец вверх, - а враги, и люди, которые нас недолюбливают, напрягутся - за поведением своим больше следить станут, да за языком своим.

- Спасибо вам, Владимир - в голосе её слышались нотки искренней благодарности, - я поняла.

- Ну, и, слава богу! – он заулыбался, - ну, я пойду, пока-пока!

- Всего вам доброго! – Лена положила скрипку на плечо, прижала скрипичное, нежное дерево своим подбородком.

Владимир двинулся по «Ленте», вслед ему зазвучали звуки мелодии «Времена года» Вивальди. Владимир оглянувшись, вскинул руки над головой, ладонями издал хлопок и ещё один – похлопал. Улыбчивыми глазами Лена смотрела, как удалялся Владимир с руками над головой. Через пару мгновений Лена закрыла глаза – звуки мелодии унесли её мысли на божественные высоты бытия.

2013 ГОД. АВГУСТ. КЕРЧЬ.

С рыхлым телом, длинноволосый репортёр Андрюха, с ключими глазами на хмуром круглом, лице подошёл к оператору, забрал у него микрофон.

— Спасибо, — буркнул Андрюха мужчине с усами.

Мужчина с усами пожал плечами, пошёл по своим делам. Андрюха, стараясь не смотреть на оператора, ему было стыдно за свою столь явно проявленную им трусость. Он шустро достал из кармана штанов смартфон и, стараясь скрыть своё конфузливое состояние, быстро пробормотал:

— Та-ак, что у нас дальше по плану? – двигая пальцем по экрану смартфона, он листал текст редакционного задания.

— Блин! Ну, чего об этом снимать? – нарочито громко, стараясь отогнать от себя тошнотное состояние только, что пережитого страха, возопил Андрюха, — что тут снимать?

— Что там? — проворчал оператор, складывая штатив.

— Про пляжный сезон, который в самом разгаре. Чего об этом снимать? Все и без нас знают, что на дворе лето, и пляжный сезон! Задолбала вся эта «провинциальщина»! Уеду в Москву, там настоящие новости, там «движуха»!

Оператор покосился на Андриюху, усмехнулся, качнул головой «Ну-ну» - взял штатив и с камерой на плече пошёл по «Ленте». Андриюха и оператор вышли из «Ленты», оставили справа от себя памятник Ульянову Ленину, слева церковь Иоанна Предтечи, перешли площадь имени Ленина. Возле уютного кафе «Капучино» не стали дожидаться долго не зажигающегося «Зелёного» сигнала светофора, перебежали дорогу на «Красный свет», по небольшой лестнице спустились к набережной.

— Ну, что... Пошли опрашивать людей, что они думают, про этот долбаный пляжный сезон.

— Щас, — оператор установил на асфальт штатив и прикрепил к штативу камеру. Проверил уровень записи звука, натянул наушники на голову, сунул микрофон в руки Андриюхе, пробурчал, — поехали.

Андриюха тут же сходу, обратился к сидящим рядом двум молодым модно одетым женщинам - мамашам с колясками. У ног мамашек прямо на пыльном асфальте сидел карапуз и возил ладошкой по серой пыли, внимательно разглядывая линии и вензеля, которые оставляли его пальчики на асфальте. Девчушка лет, трёх вся чистенькая, в розовых рюшах, стояла рядом с карапузом замерев. Она пристально наблю-

дала, как появляются линии из-под пальцев пацанёнка. Мамаши были увлечены собою и своей беседой, не видели художества своего юного, возможно будущего абстракциониста, нового «Пикасо».

— Здравствуйте, как вы думаете, солнце не вредно для здоровья?

Две мамыши не услышали вопроса Андрюхи.

— Извините! Можно вопрос?

Одна мамаша поморщилась, «отлепила» свой увлечённый взгляд от лица своей подружки, нервно бросила Андрюхе:

— Что?

— Как вы думаете, солнце не вредно для здоровья, - Андрюха сунул микрофон в лицо мамаше.

Женщина снова скривила своё лицо в недовольной гримасе, отпихнула микрофон от своего лица, как отмахиваются от надоедливой мухи.

— Осторожней! Женщина! Микрофон дорогой! Дороже ваших колясок! — возмутился Андрюха.

Обе мамыши тускло заверещали в презрительном смехе, и тут же без паузы, снова затараторили:

— Ты понимаешь? Нет! Ты можешь понять? Ты – не можешь этого представить! Он – сволочь, такой говорит мне...

Андрюха отошёл от мамаш, тоскливо вздохнул, развернулся лицом к ласковому морю, вставил руки в боки - стоял и смотрел, как по морю медленно плёлся паром. Он закрыл глаза, подставил лицо солнцу – замер, наслаждаясь моментом благодатной погоды.

Простояв так минут десять, Андрюха с кислым лицом разлепил глаза, обернулся, не увидел рядом оператора, встрепенулся – завертел головой. Оператор ушёл далеко по набережной. Маленькая фигурка оператора была уже возле водной станции, так в Керчи называлась общественная лодочная станция. Оператор увлечённо вертелся и так, и эдак, пристраивался с камерой к ныряющим прямо с набережной, то ли девчонкам, то ли девушкам - издали Андрюха не мог разобрать возраст девиц.

Оператор снимал, как изящные, с длинными ногами девичьи тела, прикрытые крохотными кусочками нейлоновой ткани, в виде купальников, вонзались в воду с солнечными

брызгами подобно осколкам хрусталя и исчезали в толще прозрачной изумрудной воды.

Ласковый ветерок шевелил длинные волосы на голове Андрюхи, он поплёлся к оператору. Тот удовлетворив свои творческие амбиции в эротических кадрах девушек в «бикини» с довольным видом вальяжного мартовского кота, взмахнул рукой, попрощался с милыми «чаровницами-русалками».

— Где смотреть? — весело воскликнула одна белокожая нимфа с увесистой грудью и тонкой талией.

— Сегодня в вечерних новостях, — оператор ещё раз махнул рукой девицам, повернул камеру и переключил своё операторское внимание на парочку пенсионеров греющихся на солнышке. Сухонький старичок в чёрных плавках и миниатюрная старушка в чёрном закрытом купальнике были само очарование - истинные «Божьи одуванчики». Они синхронно приветливо вскинули свои сухонькие «ручки-палочки», помахали в камеру. Оператор улыбнулся – кивнул пенсионерам. К пенсионерам подошёл Андрюха.

— Работаем? — обратился Андрюха к оператору - тот кивнул.

— Здравствуйте, скажите - как вы думаете, солнце не вредно для здоровья? — он выставил микрофон, стараясь понять, кто из пенсионеров первым начнёт отвечать.

Пенсионеры задумались - старушка открыла рот, микрофон в руке Андрюхи метнулся в сторону старушки – она произнесла:

- Тут как посмотреть. Если...

Оператор перестал слушать ответ старушки, он скосил глаза и с вожделием посмотрел на приветливую «русалку». «Русалка» сидела на нагретом солнцем бетоне, опёршись руками о бетон, и выставив вперёд прямые ножки, издали наблюдала за работой «телевизионщиков». Русалка почувствовала, что оператор сморит на неё, заулыбалась, вскинула ладошку, махнула оператору.

Слово «Спасибо» произнесённое Андрюхой пенсионерам вернуло оператора из эротических грёз сюда, на набережную.

Андрюха уже отходил от пенсионеров, быстро махнул рукой оператору в сторону двух военных идущих по набережной, показал на них пальцем – побежал военным наперерез. Оператор кивнул «Понял».

— Извините! Можно вопрос? — Андрюха вскинул руку, привлекая внимание военных – военные остановились. Андрюха ждал, когда же наконец подойдёт оператор.

— Ну, чего ты! – нервно воскликнул Андрюха, бросил извиняющийся взгляд на военных.

Мимо прокатили перед собой коляски две знакомые уже мамыши. Одна из них скользнула заинтересованным взглядом по импозантному седовласому оператору. Девочка в памперсе и в кружевном чепчике сидела в одной коляске. Вторая коляска была пустая. Мальчишка, с тщательно отёртыми от асфальтовой пыли руками мамышей, сосредоточенно крутил педали, восседая на маленьком трёхколёсном велосипеде.

— А что вы хотели? — спросил заинтересовано военный.

— Щас-щас! — суетливо ответил Андрюха.

Наконец оператор навёл камеру на военных, включил запись на камере и кивнул Андрюхе – Андрюха быстро развернулся и сунул микрофон в лица военным.

— Скажите, как в армии решается вопрос с купанием лич-

ного состава?

— В смысле? – не понял военный.

— Ну, сейчас лето на дворе, солдаты купаются в море, им разрешено?

— А-а... Ну... В принципе запретов нет. Кто хочет - купается, кто не хочет, тот не купается – ответил военный.

Слушая косноязычный ответ военных, рот оператора медленно растягивался в надменной улыбке.

— А вы сами, купаетесь, есть у вас любимые места в Керчи, или вы ездите за город?

Оператор мысленно вынес военным свой спесивый вердикт: «Тупые солдафоны» - перестал слушать ответы военных. Он снова обернулся на русалок, взглядом высматривал ту самую симпатичную «русалку». Донесся голос Андрюхи, он закончил задавать вопросы военным подходил к оператору.

— Всё я пас. Иди, поснимай «картинки». Интервью сегодня больше не будет.

— А чё снимать-то? – разморенный жарой, лениво процедил оператор.

— Ну, как чё? «Девочек» в бикини, - съехидничал Андрюха.

— Так, я уже, - хищно ослабился оператор.

— Блин! Ну, чё, тебе надо говорить, что снимать? Море. Чайки. Кораблики. Людей. Короче - сам придумай. А я пока воспользуюсь служебным положением и в рабочее время, - он сделал акцент на слове «рабочее» и хитро улыбнулся, - пойду, искупаюсь. Тема сюжета какая? «Купальный сезон». Вот! – он вскинул палец вверх, — в лучших традициях журналистики - тему нужно прочувствовать на себе. Всё как учили, - язвительно умничал Андрюха.

Мимо «телевизионщиков» шаркая ногами, прошёл крепкого вида дедок с короткой белой бородкой. В руках у дедка было пластиковое ведро и метла. Ведро, издав гулкий звук «Бхдым» днищем об асфальт, бухнулось к ногам дедка обутых в запылённые резиновые галоши. Он, широко замахиваясь метлой, начал мести асфальт.

Андрюха прямо там, где стоял, сбросил с себя шорты и футболку, с бетонного парапета нырнул в изумрудную воду.

Оператор подхватил штатив с камерой, и буквально кинулся в сторону водной станции. Стройная русалка увидела, что оператор бежит в её сторону, нырнула в воду и поплыла к оператору.

— Поснимаешь меня? – игриво крикнула русалка.

— Всенепременно моя прелесть! Нимфа! Чудесница! Чаровница моя, - сыпал старинными, вычурными словами оператор. Холостой и бездетный ловелас любил козырнуть неизвестным словцом и блеснуть эрудицией - соригинальничать.

— Но не сейчас, сейчас я на работе. Вечером. Скажи телефон, чудная. Я позвоню, — ворковал оператор.

Русалка охотно начала называть цифры. Оператор шустро записал телефонный номер русалки в свой смартфон.

— Илона! – крикнула русалка.

— Илона, прелесть, чудо расчудесное, я непременно позвоню. Хотя, стоп! Давай в восемь часов в кафе «Вкус жизни». Знаешь где это?

— Да. Тут рядом, вон, даже видно отсюда.

— Замечательно! До встречи моя хорошая, моя славная Илоночка!

Оператор подмигнул Илоне, развернулся и побежал снимать море, паром, и чаек.

Нахалёнок, парень в кепке и тощий паренёк, обладатель писклявого голоса, лежали прямо на бетоне парапета. Они только что искупались. Крепкий телом парень в кепке, с ежиком белобрых волос на голове, положив себе кепку на лицо – дремал. Тощий Пискля лежал на спине, с руками за головой – смотрел в безупречно голубое небо. Нахалёнок лежал на боку, с головой на вытянутой руке. С ироничной улыбкой он смотрел на уже знакомых ему телевизионщиков - на оператора и на репортёра Андрюху.

Нахалёнок видел, как Андрюха скинул шорты и футболку, звонко плюхнувшись животом о воду, нырнул и долго не всплывал – наконец вынырнул и поплыл. Нахалёнок сел, чтобы было лучше видеть, куда так ретиво заспешил оператор. Когда грудастая девица вскинула прямые белые руки над головой, груди её колыхнулись, и нисколько не уменьшились в размере из-за поднятых рук, они по-прежнему вздымались двумя внушительными холмами на груди. Девица сложила ладошки в молитвенном жесте над головой, легонько оттолкнулась от парапета и полетела по воздуху. Изящно

изогнувшись в полёте своим стройным станом, совершенно без брызг русалка скользнула в воду и вынырнула с запрокинутым лицом, чуть нагнула голову вперёд, из-за чего её чёрные длинные сверкающие на солнце мокрые волосы красиво и ровно улеглись по плечам и по голове. Русалка не торопясь поплыла к оператору. Нахалёнок, думая, что он говорит тихо, восторженно выдохнул:

— У-ух! Классная «тёлочка»!

— Где? – приятель одним движением сбросил с лица кепку, быстро сел.

— Да, вон. С тем «лошарой», — Нахалёнок показал пальцем на оператора.

Пискля встрепенулся тоже, приподнялся на локте.

— С камерой, что ли? А где «тёлочка»?

— Да, вон, плывёт к нему, — Нахалёнок не удержался и ляпнул, — «Дойки» зачётные.

По пешеходной набережной медленно то и дело останавливаясь и пропуская гуляющих людей, ехал белый фургон, он вёз товар для многочисленных кафешек на набережной.

— Ну, понятно, он типа весь такой с камерой, из «теле-ка», вот она к нему и липнет, — пренебрежительно процедил Пискля и сплюнул в море.

Парень положил кепку себе на лицо, снова улёгся на спину, чуть поморщился и поёжился – бетон был горячим.

— Ну, согласишься, она классная? — не унимался Нахалёнок.

— Наверное. Я ж не видел, — отозвался парень в кепке.

Пискля перевернулся на живот, повернул лицо в сторону моря, стал смотреть на волны.

— Я - видел. Краси-и-ивая, — мечтательно протянул Писколя, — И никакие у неё не «дойки», а грудь, - вдруг недовольно проворчал Пискля.

Нахалёнок заулыбался на слове «Грудь».

— Согласен. У этой красотули точно – грудь, - примири-тельно произнёс Нахалаёнок.

Нахалёнок опустил голову, собирался тоже вытянуться на

горячем бетоне. Он не понял сразу, что привлекло его внимание, он что-то увидел боковым зрением, не придав этому значения, и уже почти лёг, как вдруг, словно ужаленный он подскочил – уселся на «пятую точку».

Глаза Нахалёнка сузились, он смотрел сквозь щёлочки меж век. То, что он увидел, подбросило его тело. Он вскочил на ноги. Резко, случайно задел руку Пискли.

— Ты, чё? – сонно вздрогнул Пискля, он обернулся и глянул на Нахалёнка.

Перекошенное страхом лицо Нахалёнка, испугало Писклю. Пискля завопил:

— Да, чё случилось-то?

Крепкий паренёк скинул кепку с лица.

— Чё - вы? – он увидел перепуганного Нахалёнка и с вытаращенными глазами Писклю, сел и по-боксёрски вскинул руки к груди, резво озираясь по сторонам, готовился к атаке пока ещё невидимых врагов.

Зрачки глаз Нахалёнка зыркнули в одну сторону, тут же метнулись в другую - он моментально убедился, что то, что

он видит, не видит никто на набережной. Он вскочил на ноги, и побежал, полетел, понёсся как ветер к фургону, который пятился задом.

Сигнал заднего хода фургона ритмично и однообразно пищал, и карапуз на велике весело размахивая пухлыми ручками в такт звукового сигнала заднего хода фургона - изображал дирижёра. Видимо карапуз видел дядю-дирижёра по телевизору, и сейчас услышав ритмичный звук, вспомнил об этом дяде, сидел на велике и махал ручками. Большое, чёрное, колесо фургона неумолимо приближалось к карапузу на велике. Нахалёнок метнул взгляд на мамаш. Эти кумушки сидели и по-прежнему трепались, не замечали надвигающейся трагедии. Кричать мамашам, значит потерять драгоценные мгновения.

Оператор махнул своей русалке Илоне, повернул голову, и улыбка вмиг слетела с его лица, он увидел, как фургон вот-вот наедет на мальчика на велосипеде. Оцепеневший оператор не поворачивая головы, двинул одними зрачками глаз и увидел, как уже знакомый ему Нахалёнок с выпученными глазами, делая огромные скачки с выставленными вперёд руками, бежал к пухлому мальчику на трехколесном велосипеде.

Оператор смог, наконец, пошевелиться, повернул голову

и увидел бегущих за Нахалёнком ещё двух пацанов. Один из пацанов на бегу схватил метлу дворника, торчавшую из белого пластикового ведра. Пацан перевернул метлу вверх щёткой, и, размахивая метлой, как саблей над головой, ринулся к фургону. Оператор вскинул на плечё видеокамеру и включил на камере запись.

Камера послушно запечатлела как:

- Парень с метлой со всей силы лупил по кузову фургона.
- Как растопыренные пальцы Нахалёнка впились в рубашку на теле карапуза.
- Как пальцы Нахалёнка с силой вмяли и рубашку, и тело карапуза.
- Как карапуз, почувствовав боль от хватки пальцев Нахалёнка, раззявил свой слюнявый ротик, собираясь зареветь.
- Как Нахалёнок поднимал карапуза, и на то самое место, где только что была голова карапуза, наехало чёрное резиновое колесо фургона.
- Как велосипед, словно он был из бумаги, смялся под колесом фургона.
- И, как третий пацан подбежал к мамашам и, указывая пальцем на Нахалёнка и карапуза, что-то громко говорил им.
- Лица «мамаш» моментально стали белыми, глаза вышли из орбит, они обе вцепились руками в скамейку, и сидели потрясённые, не шевелились поверженные шоком.

Нахалёнок прижал карапуза к своей груди. Фургон остановился. Из кабины фургона выскочил водитель - он, не разобравшись, накинулся с нецензурной бранью на пацана с метлой. Пацан с метлой увернулся от летящей ему в голову оплеухи водителя, показал рукой на покореженный велосипед карапуза. Мгновенно осознав, какая ужасная драма могла произойти, водитель остолбенел. Водителя затрясло. Трясущими руками он достал сигаретную пачку. С трудом вынул сигарету и никак не мог зажечь зажигалку, чиркал и чиркал – огонёк никак не появлялся.

Пацан с метлой двумя пальцами аккуратно отобрал зажигалку из подёргивающихся пальцев водителя. Пацан щёлкнул один раз зажигалкой – прозрачный на солнце огонёк с синим оперением взметнулся над зажигалкой. Водитель припал сигаретой к огню жадно и продолжительно затянулся, машинально кивнул головой «Спасибо». Водитель сразу с усилием выдул в щёлку меж губ длинную белую струю дыма, опять протяжно затянулся. Водитель стоял и смотрел на смятый велосипед невидящими глазами.

Оператор с камерой подбежал к мамашам, стал снимать их. Они очухались от первого приступа шока, вскочили и бросились к Нахалёнку. В три больших прыжка мамаша оказалась рядом с Нахалёнком, грубо выхватила своего сына-карапуза из его рук.

Плохо соображая, всё ещё находясь под гнётом шока, мамаша коротко хлопнула карапуза по заднице. Мальчик, начинал было успокаиваться, глядя своими светлыми глазёнками в родное лицо матери, заревел пуще прежнего. Мамаша вытаращила глаза, снова напугалась, начала причитать, «ойкать» и «ахать». Страстно со слезами на глазах мать поцеловала своё чадо, вымазав помадой щёки карапуза, перекосила и сморщила маленькое личико сына своими пухлыми на помаженными губами.

Вторая мамаша добавляла сумбура в происходящее – металась раненной птицей. Она, то с одной стороны обегала мамашу с ревушим карапузом, то с другой - истерично причитала тоже. Наконец «Курицы-наседки» с визгами, вскриками и детским плачем убежали к своим коляскам, а там и вовсе быстро укатились с набережной. Откуда ни возьмись на пацанов накинулся дедок, с палкой.

— Ах вы хулиганьё! Кто вам разрешал метлу хватать?! Да что это такое? Среди белого дня уже воруют! Вот дожили! Вот времена настали! А ну пошли вон - «нафиг»!

— Дед, а дед... Ты чё разорался? Мы вообще-то ребёнка спасали, - пропищал Пискаля.

Дедок взвился, истерично, брызгая слюной, завопил:

— Что?! Ты как разговариваешь!! Сопля! Наглец бессовестный! Пошли прочь «отседа»! Пошли! Пошли! – старика от негодования заклинило на слове «Пошли».

Подошёл парень в кепке с вещами Нахалёнка и Пискли – остановился, посмотрел на понурые лица друзей, натянул чёрные штаны на крепкие загорелые ноги. Нахалёнок взял из рук Пискли свою одежду, молча умышленно сплюнул дедку под ноги. Дедок резво отскочил от летящей слюны Нахалёнка. От потрясения дедок только и смог сказать:

— Ах ты...! – остался стоять с разинутым беззубым ртом.

Нахалёнок развернулся и пошёл прочь. Пацаны, тоже не вступая в перебранку с истеричным дедом, пошли себе во свояси, на ходу натягивая чёрные футболки на свои загорелые тела. Парень в кепке разочарованно проворчал:

— Слава... Уважение... — сплюнул себе под ноги, — «Трындёжь» всё это!

— Я же говорил, что всё это хрень полная, — вторил ему Пискля.

Нахалёнок остановился, натянул чёрные штаны, одним движением застегнул ширинку, бросил чёрной «кишкой» футболку на своё загорелое плечо, сунул руки в карманы, втянул голову в плечи, став похожим на нахохлившегося ху-досочного воробья, пошёл дальше, не проронил ни слова.

Дедок ожидая перепалки с пацанами, часто дышал, распал-ля сам себя, удивился молчаливому отбытию пацанов, про-водил их взглядом. Он закричал, согнулся пополам, взялся за рукоятку метлы, поднял её. Щётка метлы повисла на куске поломанной ручки, пару раз щётка легко качнулась, расщеп-ленные древесные волокна рукоятки не выдержали, и щетка, издав звук «Шлёп» упала на асфальт.

— Сломали! - взвизгнул дедок.

Дедок завертел головой, пытаясь увидеть пацанов, чтобы сказать что-то обидное, а пацанов уж и след простыл. Он, тя-жело дыша, склонился, подобрал щётку, прижал её к груди. Вдруг из стариковского глаза по сморщенной щеке потекла слеза. Дедок истинно скорбел по своей любимице - метле, сделанной собственными руками – оплакивал свой труд.

Оператор, с камерой в руках скакал по самому краю па-рапета, рискуя свалиться в воду, эмоционально жестикული-ровал купающемуся репортёру Андрюхе. Он заорал:

— Андрюха! Андрю-ю-ю-юха! Быстреей гребнн сюда!!

Андрюха подплыл поближе, кивнул головой «Чего?», Окрылённый операторской удачей он возбуждённо размахивал над головой одной рукой и камерой в другой руке - сумбурно прокричал:

— Я снял!! Я снял! – тарашил восхищённые глаза.

Андрюха понимал, что он пропустил что-то важное, признаваться в этом не хотел даже себе, отчего выбирался из воды нарочито неспешно, вальяжно. Уром он некрасиво струсил, а сейчас что-то прошляпил – он недовольно и даже раздражённо проворчал:

— Ну? И, чего ты снял?

— Я снял, как пацаны спасли ребёнка! Вот это материал! Бомба!! Вот это сюжет! Вот повезло-то!

Андрюха скривился, тут же выдавил из себя:

— Эх, интервью у р снять бы...

Оператор снова вскинул руки выше головы.

— Так я снял, прям на «пушку» (накамерный микрофон) и снял! Там такие эмоциональные кадры получились! Блеск!

— Ты - молодец! А я вот баран, — понимая, что лучше обозвать себя самому, чем услышать критику от коллеги болезную для израненного эго его творческой натуры, Андрюха тут же «перевёл стрелки» сразу перешёл в наступление:

— А у пацанов ты взял интервью?!

— Ну, ты совсем оборзел Андрюха! Я что «семикрылый семирук»?! Не купался бы, ты «звезда» в рабочее время, — оператор сделал ударение на слове «рабочее», — было бы у тебя интервью этих героев. А так..., — что-то быстро осмысливая, оператор замолчал.

— Хмм... Блин..., — уже разочаровано оператор промямлил, — так и сюжет - не сюжет. Так... Недоразумение какое-то, — его оптимизм и воодушевление выпорхнули из него как воздух и воздушного шарика.

Оператор понял: все, что он снял, не имеет никакого смысла без самих пацанов-спасителей – без главных героев редактор не пустит сюжет в эфир.

— Да-а-а. Надо исправлять «косяк». Так! Где же эти пацаны? — бодро проговорил Андрюха.

Он выпрямил спину, выпятил грудь, приложил руку «козырьком» ко лбу.

— Сколько их было?

— Трое.

— А, вон те... Это - не они?!

Андрюха резко отнял руку ото лба, выпрямил руку перед собой, показывал на маленькие фигурки трёх пацанов уже подходящих к ресторану «Галеон» на набережной.

— Да! Похоже они!

— К машине быстро! Щас мы их догоним.

— Какая машина, Андрюх? Где машина и где мы?

Андрюха разнеженный купанием плохо соображал, «завис» вопросительно смотрел на оператора.

— Ну, машина у главпочтамта, а мы на набережной – мы

сюда пешком пришли.

— Тьфу, ты чёрт! – хлопнул себя по лбу Андрюха.

Он вытянул шею, старясь разглядеть мелькающие меж деревьев идущие сильно далеко спины пацанов. Андрюха, понимая, что дело плохо, схватился за телефон.

— Как они выглядели? – резко бросил Андрюха.

— Один был... Тот... Ну, который на «Ленте» на нас сегодня бросился.

— Тот - малолетний урод?! – удивился Андрюха.

Оператор, молча, кивнул, отвернулся. Андрюха почесал затылок, поёжился, снова вспомнил свой стыд за пережитый страх.

Мимо главпочтамта вразвалочку шли Нахалёнок, парень в кепке и Пискля. Майка по-прежнему висела на плече Нахалёнка. Полная женщина неодобрительно посмотрела на полуголого Нахалёнка в центре Керчи.

Он увидел осуждающий взгляд женщины, остановился и пристально стал смотреть в лицо женщины. Женщина замед-

лила шаг, открыла рот, собираясь что-то сказать – Нахалёнок как гусь вытянул шею, выставил нижнюю челюсть вперёд, вскинул брови на лбу, вытаращил глаза, без слов выразил на лице фразу «Чё надо?»

Женщина вздрогнула, инстинктивно вскинула руку ко рту, спрятала свой испуг за почёсыванием отточенным коготком своего подбородка, опасливо уставилась в землю, и с опущенной головой прошла мимо. Нахалёнок с вытянутой шеей взглядом проводил женщину, пока она не скрылась за углом главпочтамта.

Нахалёнок вернул шею в прежнее положение, развернулся и буквально уткнулся носом в чью-то форменную рубашку на груди. Нахалёнок вскинул голову, увидел нависающее над ним спокойное мужское лицо в милицейской фуражке. Глаза милиционера взирали твёрдым взглядом на Нахалёнка в упор.

Нахалёнок отступил на шаг, мотнул головой направо-налево, увидел Писклю и Парня в кепке – они стояли спиной и не видели встречу Нахалёнка с милиционером. Нахалёнок пронзительно свистнул. Пискля и парень в кепке, как по команде обернулись, увидев милиционера, оба пацана дёрнулись было сорваться и побежать, но чувство верности своему другу остановило их. И парень в кепке, и Пискля мед-

ленно шагнули к Нахалёнку и милиционеру, подошли к другу и остановились, настороженно глазели то на милиционера, то на Нахалёнка. Пока пацаны проявляли чувство преданности, милиционер стоял и молчал, по-прежнему со спокойным лицом рассматривал пацанов. Наконец милиционер строго просил:

— Так, пацаны, на набережной были сейчас?

Нахалёнок тяжело вздохнул.

— Ну, были.

— Да, метла случайно сломалась, мы не хотели! – воскликнул Пискля.

Милиционер не обратил внимания на признание Пискли, он обернулся, глазами поискал кого-то, увидел подъезжающий «Жигулёнок» с надписью на борту «Керчь-ТВ», махнул рукой и крикнул уже выбирающимся из «Жигулёнка» Андрюхе и оператору:

— Забирайте - вот они.

Андрюха с сияющим лицом смешно задирая колени вверх, вприпрыжку побежал к милиционеру.

— Идите ко мне мои, хорошие!

— Блин, ещё эти..., - проворчал Нахалёнок.

Парень в кепке отступил на пару шагов, собираясь побегать.

— А чё? Чё...? Мы... Мы ничё не сделали, — убедительно врал парень в кепке.

С довольным видом, подоспевший оператор с камерой, стараясь выговорить ласково, а получилось угрожающе - проворковал:

— Ещё как сделали!

Нахалёнок угрюмо смотрел на оператора - своего утреннего обидчика. Нахалёнок сорвался с места с криком:

- Ва-алим!!

Нахалёнок отбежал метров на сто и остановился.

— Чё им надо, — презрительно пробурчал Нахалёнок.

Полицейский схватил за руку парня в кепке. Репортёр Андрюха вцепился в руку Пискли.

— Да, блин! Чего вы?! Мы интервью хотим взять у вас! Подвиг ваш по телевизору показать!! – воскликнул Андрюха.

— Чё, правда? — парень в кепке тут же перестал вырываться.

— Ну, конечно! – воскликнул оператор, устанавливая камеру.

Андрюха опустил руку Пискли, обернулся к милиционеру.

— Большое вам спасибо, товарищ милиционер! Благодаря вам слава нашла своих героев.

— Так, пацаны, сначала, перед интервью, дайте свои адреса, мы вашим родителям благодарственные письма отправим и в школу сообщим, — милиционер вынул блокнот и ручку, приготовился писать.

Пискля с сияющим от радости лицом стал диктовать адрес. Парень в кепке, что есть силы, замахал рукой, призывая

Нахалёнка вернуться. Издалека Нахалёнок видел, как милиционер указал шариковой ручкой на Нахалёнка, что-то спросил у Пискли. Пискля утвердительно темпераментно закачал головой «Да-да». Нахалёнок видел, что друзья улыбаются и призывно машут ему – неуверенно он заковылял обратно. Милиционер приложил сложенные пальцы ладони к виску, отдал честь, и ушёл. Пискля кинулся к Нахалёнку, когда достиг уха Нахалёнка, громко и восторженно зашептал в ухо:

— Вот! А вы говорили, что Сеня врал. Выходит не врал.

Нахалёнок склонился к уху Пискли – прошептал:

— Чего «мент» спрашивал про меня?

— Он спросил: «Майор Сумин не твой отец», я сказал что да - твой, — прошептал Пискля.

— Зачем? – подозрительно покосился Нахалёнок на Писклю.

— Сказал, что сообщит твоему отцу.

— Чё сообщит? – сник Нахалёнок.

— Ну, что мы пацана спасли, — сиял Пискля.

От сказанного Писклём лицо Нахалёнка расплылось в широкой улыбке.

— Да-да, пацаны, улыбайтесь, а то стоите как не живые! — воскликнул журналист Андрюха.

Милиционер обернулся и с отеческой улыбкой издали наблюдал, как оператор закрепил камеру на штативе, как Андрюха задав вопрос, и в своём фирменно жесте направил микрофон в лица пацанов.

-/-

На следующий погожий солнечный денёк, Пискля, Нахалёнок и парень в кепке прохаживались по «Ленте». Пискля явно смакуя повторил уже ни раз и не два сказанное им вчера во время интервью:

— Всё-таки Арсений был прав. Работает... — он увидел двух молоденьких девчонок, и тут же забыл, что хотел сказать ещё. Он широко заулыбался незнакомкам.

Девчонки-подростки смотрели на пацанов, о чём-то шептались, и хихикали, глядя то на Нахалёнка, то на Писклю. Пацана в кепке девчонки не замечали.

— Привет, девчули! – Нахалёнок вскинул руку собираясь пройти мимо.

Вдруг худенькая девчонка с большими, синими глазами на круглом лице, с крупным нарисованным цветком Лилии на белой футболке и в короткой синей юбке, не скрывающей, того, что должна скрывать юбка, пошла к пацанам. Те «облизывая» сальными взглядами девичью аккуратную фигурку не двигались с места, терпеливо ожидали, пока медлительная Синеглазка, жеманно двигая тонкими руками и узенькими плечиками, сама приблизится к ним.

— Это - вы?

— Мы! – весело отозвался Нахалёнок, пока ещё не понимая, о чём спрашивает эта «девчулочка-симпатюлочка».

— Крутые! — вздёрнула большой палец Синеглазка.

— А чё - мы? — всё ещё не понимал Пискля, — Ты о чём? — весело пропищал он.

С вытянутой перед собой полненькой ладошкой, покрытой тёмно-жёлтыми точками веснушек к Синеглазке подходила её подруга, пухленькая и как все рыжие люди, белоко-

жая, девочка в шортах – в своих беленьких ухоженных пальчиках девочка держала смартфон.

Пышка повернула экран своего телефона Пискле, показала фотку на экране смартфона. На фотке в центре кадра стоял Нахалёнок, рядом с ним Пискля с рукой на плечах у Нахалёнка, из-за них, сбоку выглядывало хмурое лицо парня в кепке - внизу фото была надпись «Спасатели».

— А, да!! Это – мы! — довольный пропищал Пискля.

— А чё у тебя с голосом? — спросила синеглазка.

— Сломался, — нашёлся Пискля.

— У него голос сломался, когда он фургон руками тормозил, — Нахалёнок уверенно вступился за Писклю.

Улыбки сошли с лиц девчонок, они синхронно повернули головы и сочувственно посмотрели на Писклю. Тот обернулся на Нахалёнка – Нахалёнок подмигнул Пискле, и заговорицки заулыбался. Пискля, желая вернуть улыбки на расстроенные лица девчонок, поспешил успокоить их:

— Голос вернётся - не переживайте.

— Правда? — удивленно прошептала Пышка.

— Ага, — соврал и мотнул головой Пискля.

— Можно «сфотаться»? – спросила Синеглазка.

Нахалёнок сиял от удовольствия, кивнул «Да». Наслаждаясь моментом он в своей шкодливой манере, выпендриваясь широко распахнул свои руки, принял позу для фото, как бы приглашая Синеглазку в свои объятия - уверенный, что она не станет его обнимать. Девчонка буквально прыгнула на грудь Нахалёнку и всем телом прижалась к нему. От Синеглазки исходил тонкий запах Ландышей - любимые цветы бабушки Нахалёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.